

СИРИЙ
МЕДИАКОМПЛЕКС ДЕТСКОГО КНИГОПИСЬЯ

Екатерина Мурашова

класс
коррекции

Annotation

Повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» сильно выделяется в общем потоке современной отечественной подростковой литературы. Тема детей — отбросов общества, зачастую умственно неполноценных, инвалидов, социально запущенных, слишком неудобна и некрасива, трудно решиться говорить об этом. Но у автора получается жизнелюбивое, оптимистическое произведение там, где, кажется, ни о каком оптимизме и речи быть не может.

Мурашова не развлекает читателя, не заигрывает с ним. Она призывает читающего подростка к совместной душевной и нравственной работе, помогает через соучастие, сочувствие героям книги осознать себя как человека, личность, гражданина.

- [Екатерина Вадимовна Мурашова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Послесловие](#)
-

Екатерина Вадимовна Мурашова
Класс коррекции

Глава 1

— Дети, сегодня я прошу вас вспомнить о таком понятии, как милосердие!

В ответ на эту просьбу половина нашего класса весело заржала. Другая половина, та, у которой сохранились мозги, насторожилась. И было, отчего. Я думаю, что в тот день это самое слово, — «милосердие» — прозвучало в стенах нашего класса впервые за все семь лет, которые мы провели в школе. Почему? Так уж получилось. Не говорят в нашем классе такими словами.

А сегодня — с какой бы радости?

Клавдия, наша классная руководительница, переминалась с ноги на ногу, ломала пальцы и закатывала глаза. Если бы Клавдия была лет на двадцать моложе, то, наверное, в этот момент напомнила бы нам (тем, кто способен мыслить сравнениями) героиню Тургенева. Такого с ней на моей памяти еще не случалось — обычно, заходя в класс, она сразу начинала истошно орать, и ни на какие романтические сравнения ее образ не напрашивался.

Глядя на переминающуюся Клавдию, я сразу подумал, что наш класс решили расформировать прямо сейчас, не дожидаясь конца года. Все учителя нас давно этим пугали, и вот наконец — свершилось. Но только при чем тут милосердие?

Наш класс называется «класс коррекции» и, кроме того, имеет в своем названии замечательную букву «Е». 7 «Е» класс — класс коррекции. Звучит, не правда ли? Восьмого «Е» класса в нашей школе не предусмотрено, следовательно, наш класс расформируют в любом случае. Часть моих одноклассников, я думаю, закончит свое образование после седьмого класса и никогда уже учиться не будет, некоторые пойдут в 371-ю школу для дебилов, некоторых (особо умных) возьмут в классы «В» и «Г», еще кого-то родители сумеют пристроить в другие школы района. Витька с Митькой собираются пожениться, Мишаню, должно быть, закатают в интернат, а Ванька Горохов говорит, что брат нашел ему такое ПТУ, в которое берут после седьмого класса. Игорь Овсянников собирается попытать счастья вместе с Ванькой, но, честно говоря, ему, с его прилежанием и оценками, трудно на что-то рассчитывать.

— Сегодня, ребята, я хочу представить вам нового ученика вашего класса... — разродилась наконец Клавдия.

Ого! Страшно даже подумать, что же это такое к нам пожаловало...

— Так представьте же поскорее, Клавдия Николаевна! Мы в нетерпении! — крикнула Маринка, которой надоело пудрить прыщи на последней парте.

Маринке бояться нечего, с головой у нее все в порядке, ее точно возьмут в «Г» класс. Если, конечно, она не выкинет до конца года чего-нибудь этакого... А Маринка, она может.

Дверь словно бы сама собой распахнулась, и из коридора въехала в класс инвалидная коляска с большими блестящими колесами. Человек десять изумленно присвистнули. Я сам с трудом удержался.

То есть не чтобы мы инвалидных колясок не видели или людей, которые на них передвигаются, — видели сколько угодно — в метро, на вокзалах, в переходах, на перекрестках, ну, где там еще нищие встречаются? Но чтобы вот так, в обычной, можно сказать, школе... Как же они ее на третий-то этаж затащили?

— Знакомьтесь, ребята, Юра Мальков. Будет учиться с вами. Надеюсь, вы поможете ему... Поможете привыкнуть и адаптироваться к школе...

Впечатление, надо сказать, получилось сильное. Никто из наших не гмыкал, не ржал, не свистел, не показывал пальцем, не отпускал идиотских шуточек. Все это было впереди. Пока все молча смотрели на Юру Малькова. А Юра Мальков смотрел на нас. И улыбался.

Потом Пашка Зорин встал из-за последней парты, отодвинул стул рядом с собой и деловито спросил:

— Ты как, видишь хорошо? Или тебе лучше вперед?

— Я хорошо вижу, спасибо, — Юра улыбнулся еще шире и, ловко управляя коляской, покатился по проходу к Пашкиной парте.

Клавдия выдохнула разом такую порцию воздуха, словно собиралась надуть детский мячик.

— Ну, вот и хорошо, — сказала она. — Потом познакомитесь поближе, а сейчас начинаем урок. Достаньте тетради с домашним заданием...

Я быстро оглядел сидящих вокруг меня. Не хочу хвастаться, но в пределах нашего «Е» класса я неплохой экстрасенс, во всяком случае, простые мысли читаю на лицах безо всякого труда. Судя по тому, что я прочел, домашнего задания ни у кого вокруг меня не было.

Клавдия за двадцать пять лет педагогического стажа тоже, наверное, стала экстрасенсом. Она тяжело вздохнула и сказала:

— Поднимите руки, кто сделал задание!

Я поднял руку и, оглянувшись, заметил еще две или три руки.

— Иглич, к доске! — сказала Клавдия. — Антонов, Крылова — делаем

упражнение 238. Остальные болваны открыли тетради и внимательно слушают и записывают, что пишет Иглич.

Делать упражнение 238 я не торопился. Гораздо интереснее было наблюдать за новеньkim. Могучему Пашке удалось раздвинуть столы и пристроить коляску так, что Юра легко мог писать на столе. Но... С руками у Юры явно было не все в порядке. Он достал из сумки тетрадь, взял ручку и, как-то нелепо выгибаясь, попробовал было начать работу. Не вышло. Пашка что-то прогудел и слегка развернул Юрину коляску под углом. Так дело пошло на лад. Судя по тому, что я видел, Юра лег на парту боком и писал практически снизу вверх, как японец. Хотя японцы, кажется, пишут наоборот — сверху вниз. Пашка сначала поглядывал на Юру с тревогой, словно ожидая, что он сейчас рассыплется или еще что похуже. Пашку понять можно — у его предыдущего соседа, Эдика, прямо на уроках случались эпилептические припадки, — но он скоро успокоился и даже стал проявлять интерес к тому, что в Юриной тетрадке происходит. Иногда что-то басом спрашивал, Юра коротко отвечал. В общем, нашли общий язык. Это хорошо. Если Пашка будет защищать Юру, хотя бы на первых порах, — того никто не обидит. Пашка глуп невероятно, но ему как-никак пятнадцать лет, и кулаки у него с детскую головку. Кому, спрашивается, надо с ним связываться?

Интересно все-таки, как Юра попал в нашу школу, к нам в класс? И где был до этого? В 371-й школе? Но оттуда никогда никого в нормальные школы не переводят. Там программы другие, ослабленные, а Юре на вид столько лет, сколько для седьмого класса положено, — 12–13, никак не больше. Может быть, он недавно заболел, а до этого учился в нормальном классе? Но зачем же тогда его к нам-то пихнули?

Наша школа — огромная, в ней триста учителей и полторы тысячи учеников. Стоит она на пустыре посреди новостроек и вся напоминает чьюто (забыл, чью) мечту: здание из стекла и бетона, огромные окна от пола до потолка, на полу — блестящий желтый линолеум цвета детского поноса, на стенах нарисованы картины счастливого детства. В классах много цветов с большими кожистыми листьями, в глазированных горшках. Не знаю, как они называются, но один ботаник из старшего класса как-то объяснил мне, что эти цветы растут в каких-то американских пустынях, где больше вообще ничего не растет. Теперь я понимаю, почему они у нас в школе выжили и все заполонили.

Первые два класса в каждой параллели — «А» и «Б» — гимназические. У них лучшие учителя, три иностранных языка, а кроме того, им преподают всякие важные и нужные предметы, вроде риторики и

истории искусства. «Ашки» покруче, чем «бэшки», там больше зубрилок и детей спонсоров. Классы «В» и «Г» — нормальные. Там учатся те, у кого все более-менее тип-топ и в голове, и в семьях. В «В» скорее более, в «Г» — менее. Мы — класс «Е». Можете себе представить. И это при том, что всех откровенных дебилов нашего района сливают в 371-ю школу. Там — классы по 10 человек и особые программы. Выхода оттуда нет никакого — только на улицу или в интернат для хроников. Впрочем, у нашего класса коррекции перспективы тоже далеко не блестящие.

И откуда же этот Юрик у нас взялся? И зачем это ему?

Глава 2

На перемене Пашка выкатил Юрину коляску в коридор, и все, кому было любопытно, ее обступили. Из других классов тоже, естественно, подходили посмотреть. Наши вели себя осторожно (помнили про милосердие), но почти сразу же произошел конфуз. Забежал со своего этажа какой-то малыш-«ашка», класса так из второго, весь из себя, в тройке баксов за двести, вычищенный-вылизанный, с лакированным портфельчиком, увидел Юрину коляску, обалдел, пошлепал губешками, а потом и говорит: «Тебе денежку дать, да? У меня сейчас нет, хочешь, яблоко возьми...» — то есть он, как и я вначале, про нищих подумал. Ну, малыш, у него что на уме, то и на языке. А эти, которые дети спонсоров, они вообще без комплексов. Все продается, все покупается. У нас в класс «А» конкурс — шесть человек на место. А им за деньги — на блюдечке. Думаете, они в свои шесть-семь лет ничего не понимают? Ерунда, — вот что я вам скажу, — все они прекрасно понимают!

Девчонки на малыша зашикали, Пашка уже хотел его пристукнуть легонько, даже руку приподнял, но тут Юра улыбнулся и говорит:

— Давай, пожалуй, яблоко.

Малыш заулыбался в ответ, достал из портфеля яблоко. А Юра ему жвачку протягивает и спрашивает:

— Тебя как звать?

— Вадик. Только ты папе не говори.

— Чего не говорить? — удивился Юра. — Что тебя Вадиком зовут? Так он, наверное, знает...

— Нет, — помотал головой Вадик. — Что я тебе сказал. Мне папа запрещает с чужими... о себе говорить.

— Ладно, — согласился Юра. — Я, значит, Юра, а ты — Вадик. Но я никому не скажу, что мы с тобой познакомились. Это наша — т-с-с! — тайна. Идет?

— Ага! — обрадовался малыш, схватил жвачку и убежал.

К концу первого дня стало ясно, что Пашке-дурачу Юрка — в полный кайф. Он с таким важным видом коляску катал, и спрашивал у Юры что-то, и головой кивал, и учителя к нему в кой-то веки без скрежета зубовного обращались: «Паша, Паша...». В общем, завел себе Юру и повысил свой статус.

Еще выяснилось, что Юра может передвигаться и без коляски, то есть

ходить. Когда надо было переходить с этажа на этаж, Юра с коляски слезал и сам шел по лестнице, цепляясь за перила. А коляска складывалась и вообще оказалась не такой уж тяжелой, как мне показалось сначала. Смотреть на ходящего Юру было тяжело, потому что он весь при этом как-то дергался и пожимался. Я смотрел, а девчонки многие отворачивались. Пашке и другим пацанам Юра сказал, что вообще-то он на коляске почти не ездит, а ходит на таких специальных костылях, но сейчас для первого раза приехал на коляске, чтобы никого видом своей ходьбы не пугать. Правильно, я думаю, рассудил. Или подсказал кто. Пашка подумал и сказал:

— А чего — коляска? Тоже транспорт.

Все окружающие зажали, а Юра неожиданно встал с коляски, держась за стену, и предложил Пашке:

— Хочешь попробовать покататься?

Пашка разинул рот от удивления и замотал головой.

— Юрка, дай мне! Я хочу! — разом завопили Таракан и Игорь Овсянников.

Тут до Пашки дошло, и он мощной дланью легко отодвинул в сторону рвущихся к коляске:

— Кыш, малявки! Юрка мне предложил... — Пашка осторожно, оглядываясь, опустил на кожаное сиденье свой обширный зад и положил руки на блестящие обода колес. Лицо у Пашки было взволнованное и торжественное.

— Поехали! — серьезно сказал Юрка и взмахнул рукой. Никто, кроме меня и Маринки, не засмеялся. Юрка внимательно поглядел на нас и, кажется, что-то про наш класс коррекции понял.

До конца перемены Пашка осваивал Юркину коляску и к концу уже вполне лихо на ней носился и разворачивался. Сам Юрка сначала стоял у стены, а потом уселся прямо на пол.

— Хочешь, стул принесем? Из класса? — спросил Таракан, которому тоже хотелось покататься на коляске. — Для тебя дадут...

— Спасибо, не надо, — ответил Юрка. — Я вполне нормально сижу. Хотя лучше, конечно, лежать... — он засмеялся, а Таракан смущился и куда-то убежал. Он у нас чувствительный.

Смеялся и улыбался Юра часто и хорошо. Да и вообще, если бы не его болезнь, был бы пацаном вполне привлекательным, из тех, что девчонкам нравятся: глаза голубые, волосы кудрявые, на вид мягкие, пальцы — тонкие и длинные. Про болезнь его, естественно, тут же, чуть ли не после первого урока, спросили. Юра охотно объяснил, что его болезнь называется ДЦП,

болеет он с самого рождения и теперь, можно сказать, в хорошей форме, потому и в школу пошел. Раньше, мол, было хуже. Страшно даже про это «хуже» подумать. Но хорошо, что теперь — получше.

Глава 3

Дальше так и было. Юра иногда приезжал в школу с коляской, иногда приходил на таких сложных костылях, в которые вставлялись руки и локти. Всем, конечно, нравилось, когда коляска, потому что он давал на ней кататься. А еще можно было стоять на запятах и катиться вместе с Юрой, как на финских санках. Неловкий Мишаня как-то разогнался и вместе с Юрой и коляской перевернулся прямо напротив кабинета завуча. Я страшно испугался, что Юра еще покалечится (Мишане-то все равно, он с детства деревянный — его хоть об дорогу бей), но все вроде бы обошлось, Юра ушибся не сильно, не заплакал и Мишку ругать не стал. Правда, Пашка потом с Мишаней немного «поговорил», но тот не очень и сопротивлялся — понимал, что виноват. Сам Юра предпочитал костыли и вообще, как я заметил, старался больше ходить и по-разному двигаться. Я думаю, что в его положении это и правильно. Чем больше упражняешься, тем лучше получается.

Понятно, что почти сразу же Юру стали дразнить. Передразнивали его походку, уродливые ужимки, когда он пытался достать что-то, писали, как Юра, высовывая язык и нелепо вывернув локоть и кисть. Дразнили, естественно, не все и в основном не из нашего класса, но ведь придурки-то везде найдутся...

На поддразнивания Юра реагировал удивительно: он смеялся. Да еще и передразнивал дразнильщиков. Вот как это происходило. Идет, предположим, Юра на костылях по коридору. Сзади тут же пристраивается хвост из двух-трех кретинов, которые идут так, чтобы Юра их не заметил, и копируют его ужасную походку, иногда опираясь при этом на швабру. Еще кретинов пятнадцать ржут. Юра потихоньку поглядывает назад, потом резко оборачивается. Все кретины, естественно, застывают на месте. Юра говорит, указывая пальцем:

— Не выходит, не выходит, не выходит! И вовсе не похоже! Ты ногу не так волочишь, ты — вообще спотыкаешься, а я этого никогда не делаю. Вот у тебя немного лучше, чем у них, но все равно не так. Вставайте вот сюда, рядом. Смотрите на меня. Раз, два, три — пошли! Ногой, ногой больше загребай! Смотри, как я делаю!

Сами понимаете, в другой раз эти кретины Юру уже не передразнивали. Всем же хочется умными казаться.

Кстати, насчет ума. Не знаю, как учителя, но я довольно быстро понял,

что наша программа седьмого «Е» класса для Юры — тьфу! Если бы не трудности с письмом, он бы мог и в «А» учиться. Как-то я ему это сказал. Хотел приятное сделать. Он, как всегда, улыбнулся и говорит:

— Да брось ты, Антон! Сам же понимаешь, что экстерьер у меня для гимназически-показательного класса неподходящий. Я же урод. Да и пишу я, ты видел как. Так что меня вполне «Е» устраивает. Куда лучше, чем дома сидеть. Да и вас я вроде тоже не очень напрягаю. Так?

— Так, — согласился я. К тому времени я уже понял, что с Юром можно говорить начистоту, без всяких скидок на его болезнь. — Может быть, ты и прав. Там, в «А», все такие суперблагополучные, а мы — каждый по-своему урод. Тебе среди нас самое место.

— А почему ты здесь, Антон? — спросил в свою очередь Юра.

— Я? — я задумался. Хотелось ответить Юре правду, но как об этом коротко рассказать? Не будешь же здесь, на лестнице, рассказывать историю всей своей жизни...

— Если не хочешь, не отвечай, — сориентировался Юра.

— Да не то чтоб не хочу, просто долго рассказывать, — я махнул рукой. — А если коротко, то сначала я учился в «Б» классе, а потом меня сюда сослали. Можно сказать, за поведение...

— Что-то ты на хулигана не похож, — недоверчиво улыбнулся Юра.

— Нет, нет, ты просто не знаешь, — я улыбнулся в ответ и заговорщицки подмигнул Юре. — Я на самом деле ужасный хулиган. Только это с первого взгляда не очень заметно.

В целом Юра на удивление быстро вписался в наш «Е» класс. Хотя, конечно, чем-то он очень от нас отличался. Например, Юра никогда не употреблял матерных слов и морщился, когда кто-то матерился в его присутствии. Когда тут же были девчонки, его вообще перекашивало. Впрочем, наши девчонки сами матерились почище пацанов, так что так бы и оставаться Юре перекошенным, если б не Пашка. Пашка взял над Юром полное шефство, проникся всеми его потребностями и однажды, к изумлению наших пацанов, потребовал, чтобы мы в Юркином присутствии не матерились.

— Зоренька, а как же ты сам-то разговаривать будешь? — опешили мы. — Ты же, кроме матерных слов и двух-трех стишков, которые еще в первом классе наизусть заучил, ничего другого не знаешь...

— Я пробовать буду, — серьезно сказал Пашка. — Мне Юрка объяснил: если я материться не буду, то на это место другие слова сами заползут...

Хохот был такой, что даже старшеклассники, которым мы вообще-то

тысячу раз по фиг, из коридора заглянули и спросили, что у нас такое происходит.

С тех пор только ленивые или совсем отмороженные Пашку не дразнили.

— Ну что, Зорька, слова-то хорошие ползут?

— А они, когда заползают, не щекотятся? Ты же у нас щекотки боишься...

— Если у тебя, Пашка, все лишнее убрать и на это место литературные выражения поставить, то ты будешь прямо как Лев Толстой, только без бороды...

И так далее в том же духе. Но Пашка, на удивление, не очень обижался, почти никого не бил и действительно — пробовал. И других заставлял. Постепенно у нас мата и правда поменьше стало. Я не в обиде. Мне даже понравилось. Хотя некоторые чувства трудно выразить литературным русским языком. Я еще до Пашки пробовал, поэтому знаю.

И еще был один момент, который меня очень занимал и которого я в Юрке не понимал. Он был слишком нормальным. Для такой-то болезни и такого состояния. Никто, кроме него, в нашем классе не умел шутить над собой. Над другими — сколько угодно. А над собой — нет. Юрка умел и делал это с удовольствием. Кроме того, он спокойно относился ко всем своим неудачам. Все, кого я знаю, расстраиваются, обижаются или психовать начинают, а Юрка просто пожимал плечами и начинал все сначала. Такое создавалось впечатление, что за ним кто-то или что-то стоит. И это что-то такое большое и такое надежное, что надежнее и быть не может. Он это знает и поэтому такой спокойный. Так у малышей бывает, я сам видел. Сидит такой карапуз у маминых ног, лопаткой в песочке ковыряется, и мордашка у него такая спокойная-спокойная, довольная-довольная... Но у Юрки-то ведь явно не тот случай. Какие у него песочки-лопатки? Родители крутые? Ничего подобного. Иногда они за Юркой в школу заезжали, и мы все их видели. Ездят на ржавых «Жигулях», одеты нормально, но без всякого шика... То есть для нашего «Е» класса то, что оба родителя есть, нормальные и на машине ездят, — это, конечно, роскошь и счастье, но вот если, к примеру, с «ашками» сравнить... Нет, не то! Я даже подумал, может, Юрка в каких-нибудь хитрых богов верит, и они ему так помогают? Спросил осторожно. Юрка только головой помотал.

— Не знаю, — сказал. — Может, где и есть какой Бог, вон, сколько в него людей верит, но я пока не встречал.

Вот и я тоже не встречал. Хотя, конечно, интересно было бы. Я бы Его обязательно о нашем «Е» классе расспросил и о своей матери, которая в

Него очень даже верит, и в церковь всегда ходит, и молится, и посты соблюдает.

Глава 4

Спустя пару недель Юрка пригласил всех на вечеринку. Ух!

Где-то и у кого-то звучит вполне нормально: пришел в класс новый пацан, огляделся и устраивает для одноклассников вечеринку. Так сказать, вечер знакомств. У «ашек», я слыхал, для таких вещей предки кафе арендуют, чтоб дома не заморачиваться и не готовить жратвы. Нанимают опять же клоуна или массовика-затейника, чтоб гости не скучали. Наверное, все это правильно. Но у нас!..

У некоторых моих одноклассников дома такой сарай и такое амбре, что нормального коротышку с ног еще при входе сшибает. К ним, конечно, ходить можно в любое время дня и ночи, но кому это надо? Да и опасно, вдруг кто-то из предков или гостей нечаянно разозлится? У некоторых (например, у меня) с матерью одна комната в коммуналке на двоих (или даже на четверых, как у Ваньки), и там между мебелью надо лазить, как в лабиринте из игры «Папа, мама, я — спортивная семья». У третьих родители как увидят наших одноклассников, так сразу двери на все запоры запирают, побрякушки и деньги прячут, а разговаривать велят на лестнице, и чтобы быстро. В общем, о таком, чтобы пригласить на вечеринку весь класс, мы и слыхом не слыхали и даже не думали.

А Юрке хоть бы что! Раздал всем отпечатанные на компьютере приглашения, а на них такой смешной вихрастый пацан на костылях (вправду чем-то на Юрку похожий) и ниже текст: «Юрий Мальков имеет честь...» и дальше дата, адрес, телефон... «Имеет честь...» С ума сойти! Наши все притихли и даже смеяться-издеваться не стали. Помолчат-помолчат, посмотрят на карточку, губами пошлепают и опять молчат.

Только Маринка посмотрела на себя в зеркальце и задумчиво так сказала Стеше:

— Платье у меня зеленое есть. Босоножки тоже... Но вот ведь черт! В кои-то веки раз в гости идти, а у меня, как назло, опять прыщ на носу вылез!

Стеша, как всегда, промолчала, а я не утерпел и утешил Маринку, сказав, что сегодня только вторник, и до субботы прыщ успеет присохнуть. Если его не ковырять, конечно. Маринка хотела стукнуть меня сумкой по голове, но промахнулась и попала по загривку.

Пашка, первым получив карточку, долго мялся, подбирал слова, а потом спросил у Юрки:

— Может, мне пораньше прийти? Помочь чего? Прибрать там, переставить или по хозяйству?

Чтобы хорошо представить себе Пашку, прибирающегося в квартире и тем более хлопочущего на кухне, нужно хоть раз побывать у Пашки дома. Я бывал, поэтому, хоть и старался ржать потише, но все же получил от Пашки полновесный подзатыльник.

Юрка, конечно, про Пашкин быт ничего не знал, поэтому вопросу не удивился, поблагодарил и согласился, что кое-какую мебель придется переставить и сильный Пашка в этом процессе будет очень даже уместен. Пашка засиял так, как будто его не мебель пригласили таскать, а приняли в футбольную команду высшей лиги.

К концу дня ко мне подошла Витька (Митька, как всегда, маячил у нее за спиной) и спросила, стоит ли им с Митькой к Юрке идти или надо вежливо отказаться. Я понял, что Витька считает меня знатоком светского этикета, и даже немного заважничал. Потом сказал Витьке, что вполне можно пойти, только стоит отобрать у Митьки «Беломор», и не надо давать ему пить, если там вдруг окажется что-то спиртное.

— Что я, сам, что ли... небось! Чего, если... видали! — пробурчал Митька.

— Да он понимает, — перевела Витька. — Ты еще вот что скажи: подарки надо?

Я объяснил, что подарки дарят на Новый год, на именины, в день рождения, иногда на Пасху и еще если в доме есть маленькие дети. В остальных случаях можно обойтись. Витька облегченно вздохнула и подняла глаза к потолку, явно запоминая, когда именно следует дарить подарки. Потом спросила:

— А надеть?

Я предложил Витьке нарядами особо не заморачиваться, а просто выстирать и выгладить то, что есть.

— Утюг... — печально сказала Витька.

— Сломался... — откликнулся Митька.

— Принеси завтра Ваньке, — предложил я. — Либо он, либо его брат точно починят.

— Угу! — сказали Витька и Митька хором и отошли.

Юрка я, конечно, ничего не сказал, но про себя сильно удивлялся: как это он на такое решился? Или это была инициатива его родителей? Кто-то же прислал его с его болезнью, коляской и костылями в нашу школу, да еще запихнул в наш класс... Может быть, у них какая-нибудь особая методика воспитания, и в эту методику входят вечеринки для всего класса?

Класс у нас, правда, небольшой, всего девятнадцать человек, но все равно... Это же одних тарелок и стаканов надо больше двадцати штук. Не говоря уж про еду... Вечером того дня, когда Юрка приглашения раздал, я за ужином ради смеха спросил у матери:

— А что, мам, может, мне как-нибудь друзей пригласить? Тусанемся культурно... В комнате у нас тесно, конечно, но можно мебель немного раздвинуть. Вечеринка, музыка... туда-сюда...

Боже мой! Мать потом до самой ночи все охала и говорила, повторяя все по много раз, что где ж на такое денег взять, и что у меня за друзья, и вот она и дожила, о чем ее все женщины на работе предупреждали, и вот я и начал гопничать... Переубеждать и доказывать что-то в таких случаях совершенно бесполезно. Я сто раз проклял свой эксперимент и в конце концов спрятался в ванной. Правда, в десять часов пришел со смены дядя Володя и из ванной меня погнал, но мать уже перегорела и только тихо причитала себе под нос. А к этому я давно привык и умею внимания не обращать.

Глава 5

Книжек по этикету я, конечно, не читал, но как-то шутки ради взял конспекты у одного из «бэшек» и изучил. Им этот этикет с первого класса преподают. Готовят, как любит выражаться в торжественных случаях наш директор, «культурную элиту XXI века». Нас вместе с «дэшками» она в официальных случаях никак не величает, а в неофициальных «ласково» называет «наш Гарлем».

Из этих «бэшных» конспектов по этикету я узнал, что в гости в дом следует приходить, слегка опаздывая. Потому что вдруг хозяева закрутились и чего-то не успели приготовить? Надо дать им фору. Поэтому к Юрке на вечеринку я опоздал на 15 минут. Все остальные, очевидно, конспектов по этикету не читали и пришли ровно, как часы. Некоторые от нетерпения даже раньше, что, согласно конспектам, вовсе недопустимо.

Впрочем, кажется, Юра с родителями успели все подготовить вовремя.

— Здравствуй, Антон! — сказал Юрка. Он сидел в коляске у двери и принимал гостей. — Хорошо, что ты пришел. Раздевайся. А то я уже подумал, что ты не придешь совсем.

— Почему? — спросил я.

— Я не знаю, — кажется, в первый раз я увидел Юрку смущенным. — Я не понимаю, что у тебя в голове, как ты думаешь. И вот вдруг ты чего-нибудь такое подумал и не придешь...

— А разве надо знать, что у другого в голове? — спросил я. — Лучше не знать, по-моему.

— Наверное, лучше, — сказал Юрка. Теперь он показался мне печальным. — Но ведь не всегда же получается...

В коридор выглянул Пашка в нарядном черно-белом свитере (наверное, прикупил в секонд-хенде по случаю вечеринки), деловито кивнул мне и что-то спросил у Юрки про стулья. Юрка ответил. Пашка выглядел в этом доме уже совершенно своим человеком. На мгновение меня кольнула зависть.

— Проходи в комнату, — сказал Юрка. — Почти все уже пришли. Сейчас начнем.

— Тебя откатить? — спросил я.

— Нет, — Юрка помотал головой. — Коляска туда уже не войдет. Я встану.

— Ладно, — я отвернулся и ушел, чтобы не смотреть, как Юрка будет

вставать и идти. Наверное, надо было оостаться и помочь. Пашка бы остался. Но у него шкура толще. И он, наверное, по большому счету добрее, чем я. Я замечал, дураки часто бывают от природы добрыми. Если их специально не злить, то они такими и остаются.

— Садись! — Витья освободила мне место рядом с собой. С другой стороны от меня сидела Стеша и с интересом смотрела в пустую тарелку. Повеселимся! Я не удержался и щелкнул пальцами перед Стешиним носом. Секунд через тридцать ее взгляд стал вопросительным, а еще через минуту она подняла на меня свои прекрасные глаза. Как и всегда, я смущился и внутренне обругал себя идиотом.

— Все нормально, Стеша, — сказал я. Стеша кивнула и стала смотреть на низко висячую люстру, которая как раз оказалась в ее поле зрения.

Тем временем Юра вернулся в комнату, но не сумел пролезть к оставленному ему месту. Все уже наладились вставать и вылезать из-за стола, но тут Пашка проявил необыкновенную для него смекалку.

— Чего?.. Можно! Зачем же, если так? — сказал он, легко подхватил Юру на руки, скинул ботинки, виртуозно прошел со своей ношей по спинке старинного дивана и ловко опустил Юру на предназначенный ему высокий стул. Я зааплодировал Пашке. Маринка, Таракан и Юрин отец присоединились ко мне. Пашка зарделся, как пэтэушница, которую пригласил на танцах капитан дальнего плавания.

Когда все устаканилось, Юрин отец призвал разливать. К счастью для Витьки (и для других, впрочем, тоже), спиртного на столе не было. Было три бутылки дорогой пепси-колы (ее и разлили для первого тоста) и много бутылок с чем-то лилово-розовым и явно самодельным. Я решил, что это клюквенный морс, и, как впоследствии выяснилось, не ошибся. Из еды был салат оливье, бутерброды с сыром и с колбасой, соленые огурцы, маринованные грибы, селедка под шубой и какой-то рыбный салат с рисом и яйцами. Потом еще подали горячую картошку и мясные рулетики. Юрина мать сказала, что мариновал грибы, солил огурцы и жарил мясо сам Юра. Сначала мне трудно было себе это представить, но потом я подумал, что это входит в программу его воспитания, и решил поверить. Да и мама его не походила на человека, который будет так врать. Вообще в этот вечер я впервые как следует рассмотрел Юриных родителей, и они показались мне слишком старыми для двенадцатилетнего Юры. Не плохо выглядящими, как многие родители из нашего класса (о причинах умолчим), а именно старыми по возрасту. Выглядели они как раз очень неплохо. Мама все время улыбалась разными улыбками, и от этого у нее по лицу бегали симпатичные веселые лучики-морщинки. А у папы была очень красивая

голубоватая седина и мужественные складки от носа к губам. Рукава бежевой рубашки он закатал до локтя, и руки были сильными и загорелыми, с длинными пальцами, такими же, как у Юры. Он показался мне похожим на какого-то артиста, только я не смог вспомнить, какого.

Когда я был маленьким, я часто «выбирал» себе богатых, красивых и добрых родителей и мечтал о том, как они меня усыновят и мы будем счастливо жить вместе, а я буду таким хорошим-хорошим, и они будут мною гордиться и никогда не пожалеют, что меня взяли. Чаще всего в качестве «приемных родителей» в моих мечтах выступали всякие герои книг и фильмов, но иногда встречались и живые люди. Разумеется, теперь я уже давно вырос из этой игры, но в тот вечер вдруг что-то такое во мне ворохнулось... Я отогнал эти дурацкие мысли и испуганно огляделся, как будто кто-то из присутствующих умел читать по моему лицу. Потом решил думать о другом и подумал, что Юра, должно быть, поздний ребенок. Может быть, они поздно поженились, а может — долго не было детей. А потом наконец родился — Юра. Вот ведь не повезло! Таким бы родителям нормального сына — здорового, красивого, умного... Тут я спохватился, что опять что-то из меня гаденькое полезло, быстренько вскочил, налил Стеше пепси-колы и положил салату (а то ведь она так весь вечер голодная и просидит), потом обслужил себя и Витьку. Митька сидел, сложив руки на коленях, и боялся без команды пошевелиться. А Витька не знала, что командовать. Витька тут же сориентировалась и положила Митьке того же, что я положил ей.

— Ой, я же салфетки подать забыла! — всплеснула руками Юрина мама и куда-то убежала. Потом вернулась и принесла пачку красивых салфеток с голубым парусником в уголочке. Пачку пустили вдоль стола. Витька взяла две и вопросительно взглянула на меня, а потом на ворот Митькиного свитера. Наверное, она видела в телевизоре, как англичане заправляют салфетки за воротник. Я удержался от смеха, отрицательно покачал головой и положил свою салфетку рядом с тарелкой. Пашка тоже взял салфетку, с недоумением посмотрел на нее, потом сложил пополам и убрал в карман.

— Идиот! — прошипела сидящая рядом с ним Маринка. — Нужно рот вытереть, когда поешь!

— А я что! — шепотом пробасил обидевшийся Пашка. — Небось, сам знаю! Приbral, чтоб не пропало. Поем, тогда достану и вытру.

Сидящий неподалеку Таракан прыснул в кулак. Пашка глянул на него многообещающим взглядом. Мне почему-то стало совсем не смешно, а вовсе даже грустно. Юрка, извиваясь, поднялся со своего стула и бодро

предложил выпить за дружбу. Его отец возразил, что второй тост традиционно пьется за прекрасных дам (первый был за знакомство). Юрка согласился, а отец рассказал грузинскую притчу об уважении к женщинам и в завершение сказал, что этот тост джентльмены пьют стоя. Я встал, и все наши изумленно взорвались на меня. Тут же стало ясно, что они ничего не поняли из того, что говорил Юркин отец. Юркина мать смутилась, Маринка тихо зашипела от злости. Стеша блаженно улыбалась, ей явно нравилось звучание голоса Юркиного отца. Я подал знак Витьке, она пнула под столом Митьку, тот встал, поднял стакан с клюквенным морсом и серьезно сказал:

— С благодарностью! Желаю, чтобы всё!

Я чуть не упал обратно, но сумел сдержаться. Идиот Таракан тихонько тявкнул и как бы завилял хвостом. Игорь Овсянников, до которого дошло (у него дома есть работающий телевизор), мелко захихикал.

— Тост за присутствующих здесь девочек и женщин! — крикнул я. — Пацаны и мужчины встают и пьют стоя! Такой обычай! — После этого я поклонился хозяйке дома и выпил. Пашка вскочил, врающая глазами. Вслед за ним поднялись все. Стеша тоже начала вставать (наверное, она решила, что пора расходиться), но я положил руку ей на плечо и удержал на месте.

После этого я извинился и сказал, что мне надо выйти покурить. Вообще-то я врал, потому что последние два года курю редко и никакой особенной необходимости в этом не испытываю, просто мне надо было выйти. Но наши обрадовались и потянулись за мной. Пацаны и Маринка пошли курить на лестничную площадку, Юрин отец присоединился к ним. Витька двинулась за Митькой (она сама совершенно бросила курить больше года назад, после лекции о вреде курения и о том, как это влияет на будущих детей), а Ленка осталась караулить Стешу.

На меня никто не обращал внимания. Я зашел в ванну, пустил воду и смотрел на разноцветные баночки и флакончики на полочке под зеркалом. В голове у меня не было ни одной мысли. Даже обрывочка. Кажется, йоги называют это состояние «остановкой внутреннего диалога» и работают над достижением этого состояния годами. На обратной стороне двери был приkleен плакат со Шварценеггером, и теперь, в зеркале, мускулистый Шварц сумрачно выглядывал из-за моего плеча. Интересно, каково Юрке каждый день его видеть? Повесили бы портрет Эйнштейна, что ли... Впрочем, зачем в ванной портрет Эйнштейна?! Заглянув в зеркало, я увидел, как мое лицо перекосила злая гримаса, а Шварц почему-то медленно уезжает в сторону. И тут же вспомнил, что забыл запереть задвижку.

В ванну аккуратно, цепляясь руками за стены, протиснулся Юрка.

— Тебе умыться? Я выйду, — сказал я.

— Не выходи, — сказал Юрка. — Мне — тебя. Пусти, я на ванну сяду.

Он сел на ванну, я прислонился к стене. Не знаю, куда смотрел Юрка, я смотрел в пол. По щели между старыми плитками бежала рыжая мокрица. Моя мать их боится и почему-то считает ядовитыми. Мне они нравятся. Когда я был маленьким, то ловил их и держал в майонезных банках. Но потом все равно выпускал, потому что не знал, чем их кормить, и боялся, что они умрут от голода. Несколько минут мы молчали.

— Тебе больно? — наконец спросил Юрка.

— Нет, — ответил я. — Просто погано... Как тут? Я поздно пришел...

— Все хорошо, — быстро сказал Юрка. — Ты же видишь. Я думал — конкурсы, шарады... Всю неделю готовил...

— Не надо! — вскрикнул я.

— Да, я понимаю теперь... — Юрка кивнул. — Они сначала просто ходили по квартире, как на экскурсии. Смотрели, вопросы задавали. Только не мне, Паше...

— Ты понимаешь — почему?

— Понимаю, — Юрка снова кивнул. — Может быть, не до конца.

— Пашка, Ванька, Митька с Витькой, еще некоторые — они просто смотрели, как все может быть устроено. Обои на стенах, белье на кроватях, скатерть на столе, салфеточки, картины на стенах, папа, мама, я... Живьем, понимаешь? Их же в приличные дома не пускают...

— Это ужасно, да? — Юркины глаза потемнели, как лужи в сумерках.

— Да нет, почему? — я пожал плечами. — Нормально, наверное. Все люди разные. Мы — уроды, отбросы. Это всегда есть, всегда было. Ты книжки-то читаешь, наверное?

— Читаю. Ты думаешь — так правильно?

— Я не знаю, как правильно. В конце концов, человек же и сам может... Вот Витька. Ты про нее знаешь? Нет? Узнаешь, наверное. Она молодец. Если еще с Митькой развязется, то, может, и вылезет. У тебя вот тоже жизнь не сахаром посыпана, а ты же — нормальный пацан. Даже слишком нормальный...

— Как это — слишком?

— Не знаю, как сказать, хотя и думал об этом. За тобой как будто стоит что-то...

— Ага! — закричал Юра, взмахнул руками и едва не свалился в ванну от возбуждения. Я поймал его за колено, а потом осторожно придержал руки. Его глаза светились, как карманные фонарики, и освещали розовый

кафель. Я подумал, что насчет его нормальности я, кажется, погорячился.

— Ты заметил! Я так и думал, что из всех — именно ты! — быстро и горячо говорил Юра. Его дыхание обдавало мне щеку и пахло рыбой. Наверное, он ел селедку под шубой. — Я хотел сам поговорить, но ты же решил бы, что я — псих. Но ты сам заметил… А может быть, ты… Ты — тоже?!!

— Нет! — решительно сказал я, ничего не понимая, но надеясь, что от решительного отрицания Юра успокоится. — Я — нет!

— Ага, — Юра действительно слегка поутих и перестал дергаться. Я осторожно убрал руки. — Тогда я должен тебе рассказать…

— Несомненно, — подтвердил я. — Ты собираешься сделать это прямо сейчас? Я думаю, нас уже ждут за столом и вот-вот начнут искать… Ты просто не успеешь…

— Ты все-таки решил, что у меня не в порядке здесь, — Юра покрутил пальцем у виска и горько улыбнулся. — Но я докажу тебе…

— Юра, ради бога! — я действительно начинал нервничать. Что бы он ни взялся доказывать мне в ванной, я вовсе не был уверен в том, что эти доказательства будут уместны и безопасны для Юриного здоровья. — Я вовсе ничего такого не думаю! Просто давай потом. В удобное для тебя время…

— Хорошо, — Юра неожиданно улыбнулся своей обычной обаятельной и спокойной улыбкой. — Давай в удобное для меня время. Если ты, конечно, не боишься.

— Я ничего не боюсь, — я улыбнулся в ответ. — Кроме земляных жаб и зубных врачей.

— Клянусь: ни про земляных жаб, ни про зубных врачей там ничего не будет. А теперь выходи первым и иди за стол. Сейчас будет торт. Его я тоже пек сам, — добавил он с нескрываемой гордостью. — Мама только украшала. А мне… мне, кажется, действительно нужно умыться…

Я шагнул к выходу, надавил на могучее плечо Шварца, и именно в эту секунду из коридора послышался страшный грохот. Я распахнул дверь и прыгнул вперед, надеясь что-то предотвратить, но сразу же понял, что все уже произошло. Мишаня, который в Юриной квартире, естественно, не ориентировался, сослепу перепутал большое настенное зеркало с дверью в комнату и попытался войти. Зеркало, по счастью, уцелело, но Мишаня, желая устоять на ногах после столкновения, зацепился за вешалку, и она, и так перегруженная множеством курток, оборвалась со стены и рухнула вниз вместе со всем содержимым. Юрина мама, цвета сливочного мороженого, выбежала в коридор и остановилась, потирая пальцами скелы.

Ленка деловито отбрасывала в сторону куртки, откапывая слабо копошащегося Мишаню.

— Вы только не волнуйтесь, — вежливо сказал Таракан Юриной маме. — С ним ничего не случилось. Он привык, что на него все падает. У него на это иммунитет. А вешалку мы сейчас на место приставим.

Витька с Ленкой извлекли Мишаню из-под одежды, отряхнули и прислонили к стене. Откуда-то из глубины квартиры появился Пашка с молотком в руке.

— Зорька! Стоять! — крикнул я.

Пашка замер в полуобороте, удивительно напоминая картинку из учебника древнейшей истории: обезьяна, впервые взявшая в руки орудие труда.

— Там, под одеждой, его очки, — объяснил я уставившимся на меня людям. — Если пустить Пашку, то им верный капец. А очки сложные и дорогие. Отойдите все, пусть Витька с Ленкой ищут.

Девчонки начали снова перебирать одежду, с противоположного края завала к ним присоединился Игорь Овсянников. Рядом со мной послышалось какое-то шуршание, и оглянувшись, я увидел тихо сползающего по стенке Юру. Для удобства общения я тоже опустился на корточки.

— Почему? — тихо спросил Юра.

— Он же слепой почти. У него зрение минус двадцать, — объяснил я. — Ты что, не знал?

— Не знал, — Юра опустил подбородок на колени. — Но есть же специальные школы...

— Его туда не берут. Он еще и не слышит почти ничего. А у них программы для слышащих.

— Есть и такое, я по телевизору видел, где-то под Москвой...

— Ага! Они с матерью туда ездили. Там интернат и берут таких, которые вообще ничего... Им сказали: вот когда совсем ослепнет и оглохнет, тогда привозите...

— Идиотизм! — Юра ударил себя кулаком по коленке.

— А то! — усмехнулся я. — Его сначала в 371-ю школу хотели, но и туда не взяли, потому что у него психических отклонений нет... Но он молодец, приспособился: там, где место и людей хорошо знает, и не заметно ничего. Ты же вот не заметил... Он запоминает все. И рисует хорошо, по памяти. То, что сумел разглядеть...

— А волосы у него такие...

— Ну да, у него же слуховой аппарат... Вот и отрастил, чтоб не

дразнили да не лапали.

— Я покажу тебе! — с силой сказал Юра, и глаза его опять блеснули фонариками. — Обязательно покажу! А дальше ты сам скажешь, как можно...

— Ну! Мы ж договорились! — фальшиво возмутился я, потихоньку отодвигаясь. — Вон Ленка Мишанины очки откопала. Сейчас он их наденет, и пойдем есть торт. А Пашка с Ванькой вешалку на место приколотят. Все будет о'кей.

В это время в коридор выбежала Маринка и что-то прошептала на ухо Витьке. Витька уронила куртку, которую держала в руках, и вмиг покрылась красными пятнами. Я с трудом поймал ее сразу одичавший взгляд.

— Что?! — одними губами спросил я.

— Митька на кухне коньяк выпил, — так же губами ответила Витька.

— Вытаскивай его куртку и свою! — скомандовал я. — Я сейчас... Юрка, отвлечи родителей. Как хочешь. Минут десять мне хватит... — Я побежал в кухню.

Митька выглядел виноватым, но довольным, как дворовый пес, сожравший хозяйское жаркое. На губах его уже пузырилась слюна. Я сходу закатал ему под затыльник, чтобы он мог подумать о своем поведении, схватил за плечо и поволок в коридор. Там стояла уже одетая Витька с Митькиной курткой в руках. Она нахлобучила на Митьку шапку и с помощью Пашки просунула его руки в рукава. Пашка распахнул дверь, выпуская их на лестницу, и что-то мрачно пробурчал себе под нос.

— Витька! Справишься? — участливо спросила Маринка из-под Пашкиного локтя.

— Небось, не впервой, — усмехнулась Витька и сама захлопнула за собой дверь.

— Собрались тут... — услышал я Пашкино ворчанье. — Зачем приходить было...

Я снова прислонился к стене, чувствуя, как болью сжимает виски и загорается под лобной костью знакомый жар. Секунд двадцать у меня еще было. Как раз чтобы спрятаться в ванной.

— Таракан! — придушенно, прорываясь сквозь боль, прошипел я. — Иди за мной! Живо!

Вообще-то Таракан ничьих приказов не слушает, но тут, видно, что-то понял, потрусил за мной и даже дверь в ванную распахнул. Я склонился над ванной. Меня тошнило, из ноздрей быстро капали алые капли и стекали по белой глазированной стенке. «Фиолетовые руки на эмалевой

стене...» — вспомнилась строчка из какого-то дурацкого стихотворения. Шварценеггер невозмутимо смотрел на нас и едва заметно усмехался.

— Лей воду на голову! Быстро!

— Холодную?! — с сомнением спросил Таракан, снимая душ с крючка и открывая кран.

— Ну!! — рявкнул я.

От ледяного душа я почти потерял сознание и, если бы Таракан не придержал меня свободной рукой, наверное, свалился бы в ванну вниз головой. Зато потом быстро полегчало. Я встряхнулся и огляделся. Как и всегда, мир вокруг выглядел так, словно побывал в химчистке. Таракан выключил душ и подал мне полотенце с полосатым тигром. В дверь осторожно постучали, и я увидел, что, несмотря на спешку, Таракан догадался запереть задвижку.

— Открыть? — смешно шевеля толстыми губами, беззвучно спросил Таракан.

— Сейчас, подожди, — прошипел я, лихорадочно вытирая и приглаживая волосы. Волосы скользили между пальцами, холодные и скользкие, как дождевые червяки.

— Антон! — послышался за дверью Юрин голос. — Антон! С тобой все в порядке?

— Абсолютно, — откликнулся я. — Сейчас выйду. Просто из носа кровь пошла. Я холодной водой замыл... Таракан, открывай.

Я выглянул в коридор. Юра отодвинулся в сторону и смотрел на меня с сомнением, но больше ничего не спрашивал. Открывшаяся моему взору картина была спокойной, но напряженной, как холодная война между США и Советским Союзом. Пашка держал вешалку, Ванька, засунув в рот гвозди, приколачивал ее к стене. Ленка что-то тихо втолковывала Стеше. Юрины родители плечом к плечу стояли на пороге большой комнаты, бледные и сосредоточенные, как будто прямо сейчас собирались идти в разведку.

— Так как там насчет торта? — спросил я и шмыгнул носом.

Глава 6

В понедельник у нас впервые с начала года был урок географии. Старая географичка от нас отказалась еще в конце прошлого года. Теперь где-то нашли нового учителя, молодого. Естественно, его сразу же прислали к нам. Наш класс, да еще «дэшки», — это для молодых учителей что-то вроде боевого крещения. Некоторые сбегают сразу же, после первого урока. Другие держатся месяца два-три. Тех, кто выдержал полгода или тем более год, считают прошедшими испытание и переводят к более приличным классам. Поэтому учителя у нас часто меняются. Особенно по географии, биологии, истории и другим «вспомогательным» предметам. Я заметил, что учителя математики и русского как-то более устойчивы и уверены в себе. Наверное, это потому, что они думают: без истории и географии обойтись можно, а уж читать и считать каждый должен уметь. И это придает им сил. Наша Клавдия уже второй год — классный руководитель, а у «дэшек» классная — математичка, орет на них так, что через два этажа слышно. Говорят, что у них на уроках математики — идеальная дисциплина. Трудно поверить, пока сам не увидишь.

Учитель оказался совсем молодой и симпатичный, похожий на сеттера из рекламы «Чаппи». Мне он сразу понравился.

Но что поделаешь — «повезло» ему с нами.

— Здравствуйте, ребята! Меня зовут Сергей Анатольевич, — сказал учитель. — Знаете ли вы, что география — интереснейший предмет, который люди изучали задолго до наступления нашей эры?

— Презерватив принес? — миролюбиво спросил с последней партии Пантелей.

— З-зачем? — удивился учитель.

Чего, анекдота, что ли, не знаешь?! — в свою очередь удивился Пантелей.

— Я! Я! Можно, я расскажу?! — запрыгал Таракан. — Ты, Пантелей, не умеешь.

— Валяй, — согласился Пантелей.

— Учителю географии директор жалуется: вот, мол, этот класс ничем заинтересовать нельзя, ничего не слушают. Учитель говорит: ничего, я их заинтересую. Приходит учитель географии в «трудный» класс, приносит с собой глобус и презерватив и говорит: «Сегодня, дети, мы будем с вами заниматься интереснейшим делом: натягивать презерватив на глобус».

Дети, естественно, выкачивают шары, а потом спрашивают: «А что такое — глобус?» — «Ну вот, — удовлетворенно отвечает учитель. — Что такое презерватив, вы, конечно, знаете. А вот тем, что такое глобус, мы сегодня и займемся...»

Класс дружно ржет, хотя и слышал этот анекдот уже раз пять (по числу учителей географии). Учитель неуверенно улыбается. Потом говорит чуть тверже:

— А вам никто не говорил, что к учителям нужно обращаться на «вы»? Изуважения...

— Да мы запросто! — радостно кричит Игорь Овсянников. — Только давайте вы тоже нас будите уважать?

— Хорошо, — быстро соглашается учитель, и в этом его ошибка.

— Меня зовут Игорь Владимирович, — сияет Овсянников. — Приятно познакомиться.

— А меня — Виталий Олегович, — вступает Таракан.

— Леонид Андреевич, — подхватывает Пантелеев.

— Марина Игоревна, — кокетливо улыбается Маринка. — Будем знакомы. А вы, Сергей Анатольевич, женаты? Я смотрю, кольца у вас нет...

— Сергей Анатольевич, а можно, я выйду? — спрашивает Пашка.

Очень писать хочется... Меня Павлом Станиславовичем зовут, если что...

Учитель растерянно оглядывается и кивает. Вместе с Пашкой, на ходу доставая папиросы, выходят Ванька и Митька. Тонких приколов Таракана и компании они не понимают. География интересна им еще меньше.

— Погляди, а он ничего — хорошенъкий, — громко шепчет Ленка Стеше.

«Наверное, и этот учитель у нас не задержится», — с сожалением думаю я, а Сергей Анатольевич цепнеет. Он увидел Стешу. Первый раз все так на нее реагируют. Мы-то привыкли, замечаем, только когда другие обращают внимание. Стеша серьезно смотрит на Сергея Анатольевича, видимо, как-то по-своему обдумывает Ленкины слова.

— Скажи ему, как тебя зовут, — шепчет Ленка, пиная Стешу в бок. — Встань и скажи. Так надо, видишь, он с нами знакомится.

Стеша встает, выходит из-за парты, перекладывает со спины на грудь тяжелую косу и, глядя чуть исподлобья, представляется:

— Стефания...

На учителя тяжело смотреть. О Стеше новых учителей не предупреждают. Это бессмысленно, потому что тогда надо предупреждать о каждом из девятнадцати, а теперь, с Юрай, из двадцати. Тем более, что как раз Стеша-то абсолютно безвредна. Он думает: «Что она делает

здесь?!!» Скоро он будет знать ответ. Сергей Анатольевич мне нравится, и поэтому его жалко. Хотя жалеть людей нельзя — никому от этого пользы нет.

Глава 7

— Антон, подожди! — кричит Юра и ковыляет за мной на своих сложных костылях. Его длинный шарф почти волочится по земле, на лице, поверх мышечного напряжения, всегдашняя улыбка. Весь он похож на покалеченного Остапа Бендера.

— Стой! — орет Пашка так, как будто бы я улетаю на другую планету и ему нужно перекричать рев космических двигателей.

Я останавливаюсь.

— Сейчас удобное время, если ты не против, — улыбается Юра и подмигивает мне.

— Пожалуй, — соглашаюсь я. Мне любопытно, но и страшновато, если честно. Как-то хочется продолжать думать, что Юра — нормальный пацан, хотя и больной на ноги.

— Пошли, — говорит Пашка. — Дома же беспокоиться будут. Если хочешь болтать на улице, брал бы коляску...

Пашку тоже жалко. У него дома никто и никогда о нем не беспокоится. На лице у Юры написано, что он сейчас скажет. Пашка тоже экстрасенс, он уже все знает, но старается оттянуть этот момент.

— Спасибо, Паша. Меня сегодня Антон проводит, ладно? Нам поговорить надо...

Пашка смотрит на меня с тупой непрощающей злобой. Не надо никого жалеть. Тем более в нашем «Е» классе.

Мы с Юром заходим за гаражи. Он садится на ящик и глубоко дышит. Кости вытягиваются рядом и тоже — отдыхают. Из рта у Юры вылетает пульсирующее облачко пара.

— Хочешь, костер разведу? — спрашиваю я. Как и Пашка, оттягиваю момент.

— Давай, — соглашается Юра.

Я вытягиваю руки над пляшущими язычками, грею. Замечаю, как торчат из рукавов голые запястья. Опять вырос, и куртка снова мала. Мать опять будет ругаться, что надо покупать новую. Но не могу же я не расти...

— Я не буду тебе ничего рассказывать, — говорит Юра. — Ты не трус, поэтому не испугаешься. Я тебе просто покажу... Меня ты легко узнаешь, а там... ну, я все равно не знаю, как будет... Помоги мне встать, пожалуйста...

Я беру Юру за руки и тяну на себя. Неожиданно подо лбом вспыхивает

знакомый жар.

«До чего же некстати! И почему?» — думаю я и теряю сознание.

Когда я пришел в себя, я лежал на траве лицом вниз. Травинка попала мне в нос и щекотала ноздрю. Кроме травы, я ничего не видел. Но, учитывая, что у нас сейчас конец ноября... Трава — это тоже интересно. Подумав об этом, я слегка повернул голову, убирая травинку из носа, и чихнул, зажав нос ладонью, чтобы не издавать лишних звуков.

Юра помог мне подняться и заботливо отряхнул травинки с куртки и брюк. При этом он тревожно заглядывал мне в глаза и как будто чего-то ждал. Интересно, чего? Что я начну с перекошенной рожей метаться по травянистому лугу и орать: «Выпустите меня отсюда!»? Если так, то зря ждал, я немного иначе устроен. А откуда, впрочем, Юре знать, как я устроен?

И тут, не сразу, но я заметил-таки самое главное: здесь, на лугу, или, скорее, на лесной опушке, Юра нормально ходил, приседал, наклонялся... То есть был совершенно здоровым человеком!

— Классно! — негромко сказал я и тихонько толкнул Юру в плечо.

— Ничего себе! — Юра устоял на ногах, улыбнулся и довольно сильно толкнул меня в ответ. Улыбка у него осталась прежняя.

— Разговаривать можно? — деловито осведомился я. — Никто из леса не набежит?

— Да нет, вроде, не должен бы, — Юра пожал плечами. — Разве что ты до визгу хочешь немедленно сразиться с чудовищем...

— Была нужда! — фыркнул я и на всякий случай еще раз огляделся. Лес как лес, поляна как поляна. Цветочки какие-то цветут, птички порхают. Деревья старые, толстые, значит, и лес не вчера вырос. Куда же это нас занесло?

— Это чего — параллельный мир? — спросил я с таким видом, будто прогулки по параллельным мирам для меня так же обычны, как, предположим, завтрак или урок математики.

— Может, параллельный, — Юра собирал в траве спелую землянику, из чего я заключил, что здесь, в этом мире, весна как раз сейчас переходит в лето. — А может, и перпендикулярный. Я в этом не очень-то разобрался... Если хочешь, спроси еще чего-нибудь и пойдем.

«Куда?» — хотел спросить я, но удержался. Это я и так узнаю.

— Почему ты отсюда возвращаешься? Туда, к нам? — спросил я. Юра смутился, и я понял, что попал в точку.

— Это не совсем от меня зависит... и потом — там родители... И еще, я не уверен, что здешний мир существует всегда, — твердо закончил Юра.

— То есть, возможно, что он что-то вроде видения, галлюцинации? —

уточнил я.

— Не знаю, — Юра выглядел подавленным, и я решил не настаивать.

— Ладно, все равно здорово, — примирительно сказал я. Я действительно был рад за Юру, что он может ходить и вообще.

Сочувствовать чужим несчастьям — просто. Особенно если у самого в это время все более-менее нормально. Искренне радоваться чужим удачам или успехам почти невозможно. Может, и есть где-то такие святые люди, которые сами получили троек за контрольную и радуются, что подружка там или приятель получили пятерку. Но большинство — наоборот. За Юру я радовался по-настоящему, и даже немножко погордился собой по этому поводу.

— Здесь живет кто-нибудь? — спросил я, шагая вслед за Юрой по узкой лесной тропинке. Юра шел так быстро, что мне приходилось почти бежать. Кажется, он не столько торопился куда-то, сколько наслаждался самой возможностью — быстро идти.

— А как же! — не оборачиваясь, ответил Юра. — Конечно, живут. Ты есть хочешь?

— Хочу! — не задумываясь, ответил я. Я всегда хочу есть. Уже лет десять, то есть столько, сколько себя помню. Мама говорит, что это оттого, что у меня брюхо так устроено. Когда я был маленьким, я с ней соглашался, теперь думаю по-другому, но не спорю. Зачем?

— Но у меня денег нет. Или здесь как-то иначе? Можно заработать? — с надеждой спросил я.

В нашем мире меня на работу никуда не берут. Я сто раз пытался. «Когда исполнится четырнадцать...» Или справку от врача требуют. Какой, интересно, врач мне ее выдаст?

Почти все наши где-то подрабатывают. Если это, конечно, можно так назвать. У Пантелей свой «бизнес». Ванька с братьями иномарки «раздевают», а потом сбывают добычу на Варшавском рынке. Витька, когда в семье жрать совсем нечего, тоже вспоминает старое, хотя Митька перед ней и на коленях стоял, и колотил ее... Таракан с Игорем на проспекте с тряпкой суетятся, но там конкуренция, и синяков получается больше, чем бабок. Пашка на рынке что-то таскает, Маринка как-то сезон проработала «Красной шапочкой», но потом всех остальных «сказочников» взяли и посадили. Она, кажется, испугалась и завязала. Я, конечно, тоже работаю — за мать по утрам газеты разношу. Но деньги-то она получает, так что мне это... Вот если бы курьером устроиться, но там паспорт нужен...

Господи, ну до чего же я скучный! Попал в какой-то неведомый мир, а о чем думаю? Пожрать да заработать... Правильно Клавдия говорит, что в

нашем «Гарлеме» атрофируются все человеческие потребности, кроме самых простых и примитивных...

Я попробовал думать о мире, в который попал. Но информации было еще слишком мало. Если бы я был ботаник, то мог бы определить, насколько деревья и травки отличаются от наших. А ночью можно было бы посмотреть на звезды... Я читал много всякой фантастики — и старой, научной, и фэнтези, и так, не поймешь чего. В общем, логично: дыма без огня не бывает, если столько обо всех этих параллельных-перпендикулярных мирах пишут и думают, значит, что-то такое должно быть на самом деле. Вот оно и есть. Если думать в этом направлении, то сейчас тут окажутся средневековые замки, маги-колдуны, рыцари и еще какие-нибудь эльфы с гномами. Или, наоборот, какой-нибудь «город будущего» с авиетками, бластерами-кластерами и кабинками для телепортаций.

— Если ничего не изменилось, то сейчас за поворотом должен быть кабачок, — сказал Юрка. — О деньгах не беспокойся, у меня есть.

— Нет, так не пойдет! Как я потом... — начал было я, но Юрка остановился и предупреждающе поднял руку. Потом улыбнулся чуть смущенно.

— Некоторое время тебе придется делать то, что я скажу...

Я по жизни не крутой, поэтому сразу же признал его правоту и молча кивнул.

За поворотом и правда обнаружился длинный приземистый домик, похожий на добротный сарай. Над крыльцом висела вывеска: «КАБАЧОК «ТРИ КОВБОЯ» и электрический фонарь. Фонарь, естественно, не горел, потому что был ясный день, но никаким другим он быть не мог — только электрическим. Справа к стене дома был прислонен большой велосипед, а слева к специальной стойке привязана рыжая оседланная лошадь. Лошадь лениво махала хвостом, отгоняя слепней, и смотрела на нас с явным интересом. На коньке крыши сидела опрятная сорока.

Юрка не торопясь вытер ноги о половик у порога и потянул на себя тяжелую дверь...

В этот же момент дверь с силой распахнулась и саданула Юрке прямо по лбу. Юрка отлетел к перилам, повис на них и, кажется, на секунду вырубился. Из двери вырвались клубы голубого дыма, а вслед за ними выкатился рыжий мужик с какой-то картиной на шее. Впрочем, от картины остались одни ошметки, но рама впечатляла.

Некоторое время было тихо и из открытой двери выползали клочки дыма и лирическая, смутно знакомая мелодия:

Тroe черных коней,
Три ножа, три нагана,
Тroe юных парней,
Три ковбоя усталых...

Звук шипел, и я, несмотря на полное обалдение, сразу понял, что играет пластинка. Когда я был маленький, у нас тоже был проигрыватель и пластинки. Потом я его немного разобрал, хотел посмотреть, где звук сидит, а собрать не сумел. У матери тогда случилась настоящая истерика, и она меня чуть не убила, а тетя Нина, жена дяди Володи, до вечера прятала меня у себя в комнате и мать не пускала.

Когда я решил, что все уже кончилось, действие продолжилось: мужик с рамой на шее вскочил и с ревом побежал обратно. В тот же миг из трубы вылетел полуошпаренный петух и, тяжело хлопая крыльями, полетел к лесу. Сорока истерически завизжала и съехала с крыши на заднице, как с ледяной горки. На крыльце выбежала веснушчатая девица с корытом, ухватками похожая на мужика с картиной, и выплеснула на траву что-то темно-фиолетовое и явно горячее. На земле варево зашипело, и от него в разные стороны начали разбегаться какие-то штуки, похожие на крупных жуков.

Крыша кабачка несколько раз качнулась из стороны в сторону, словно раздумывая, съезжать ей или нет. В воздухе запахло мылом и протухшими яйцами. Кто-то потряс меня за плечо. Я подпрыгнул от неожиданности.

Тикаем! — негромко, но вразумительно сказал очнувшийся Юрка.

Я тупо смотрел, как он отвязывает рыжую лошадь и ловко вскакивает в седло.

— Садись позади меня! — крикнул Юрка.

Я заколебался. Честно говоря, я на лошадях никогда в жизни не ездил. Хотелось, конечно, у нас в парке всех катают, но где ж денег взять? Я предпочел бы велик, но украдь еще и его...

— Садись же! — торопил Юрка. За кабачком что-то взорвалось. Дым стал желтым и вонючим. Я уцепился за седло и Юркину ногу и с трудом влез на лошадь. Она сразу же потрусила к лесу.

Довольно долго мы молчали. Юрка несколько раз оглядывался и смотрел на меня с каким-то странным выражением, которого я никак не мог определить. При этом я все время сползал и норовил свалиться под копыта лошади. Сползал почему-то только направо. «Лошадь, что ли, кривая?» — думал я, очередной раз цепляясь за Юркину куртку.

— Ты на лошади умеешь ездить? — наконец осведомился я. Учитывая, что мы на ней уже ехали, получилось крайне глупо. Я имел в виду, что это удивительно, как же он научился, если с самого детства на костылях-то с трудом ходит.

— Да так, немного, — ответил Юрка и снова странно на меня посмотрел.

— Здесь всегда так... — я помахал в воздухе рукой и снова сполз на правый бок. — Ну, я имею в виду... динамично?

— Да нет, — медленно сказал Юрка. — Так, пожалуй, в первый раз...

Еще через некоторое время он остановил лошадь и, не предупредив меня, спрыгнул на землю. Я немедленно свалился следом. Лошадь развернулась, опустила голову и обнюхала меня. Ноздри у нее были, как ручки кресел в театре — жесткие и бархатные одновременно.

— Это нехорошо, что мы ее... ну, сперли, — сказал я. — Хозяин, наверное, разозлится... — Я представил, как разъяренный хозяин лошади гонится за нами на велосипеде.

— Мы ее сейчас отпустим, — успокоил меня Юрка. — И она обратно вернется... Надо было убраться оттуда побыстрее, потому что уж слишком там все... расходилось...

Я кивнул.

— Ты так и не... не догадался? — спросил Юрка, по своему обыкновению заглядывая мне в глаза. Чуть снизу. Меня еще в обычном мире эта его манера раздражала.

— Ни о чем я не догадался! — резко сказал я. — Тупой я, понял? И лучше бы ты мне объяснил, пока еще чего-нибудь не началось.

— Ну ладно, — Юрка вздохнул и взял меня за руку. Взял так, как мамы берут за руку малышей, собираясь переходить с ними улицу. — Тогда пошли домой. — Я хотел было выдернуть руку, но не успел.

Глава 8

На этот раз я сознания не терял, и жара тоже не было. Просто очутился за сараем. Правда, не сидя на ящике, а лежа рядом, в куче грязного снега и разноцветных пакетиков из-под чипсов. Юрка спокойно сидел на ящике и ворошил палкой прогоревшие угли. Я поднялся, потер ладонью испачканную куртку. Вышло только хуже.

— Ну! — сказал я. Получилось довольно угрожающе. Потом я вдруг вспомнил, как вылетел из трубы петух, и песню про трех ковбоев — и захочотал.

— Какой у тебя диагноз? — спросил Юрка.

— Ч-чего? — вытаращился я. Потом подумал, что это Юрка так отреагировал на мою угрозу и смех. Просто у него выражения такие, необычные. Пашка, например, спросил бы: «Ты что, больной?!»

— Я имею в виду, какой диагноз написан в медицинской карте, — спокойно пояснил Юрка. — Вот у меня, например, ДЦП — детский церебральный паралич. А у тебя?

— Гипервозбудимость, еще что-то, не помню, — соврал я. — А при чем тут...

— Гипервозбудимость, — медленно повторил Юрка, словно пробуя слово на вкус. — Наверное... Но как оно там все завертелось!

— Ты... — я почувствовал настоятельную потребность придержать рукой отваливающуюся челюсть. — Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать, что это я?! Я там все устроил?!

— А то кто же? — усмехнулся Юрка. — Я, как ты знаешь, человек мирный, спокойный... А ты — хулиган, сам меня предупреждал, между прочим. Вот и похулиганил...

— Вот это да! — я сел прямо на грязный снег и вдруг снова начал смеяться. Просто остановиться не мог. Дурацкие картинки из параллельного мира хороводом крутились перед глазами. Особенно сорока... И еще дядька с картиной... И как я с лошади направо сползal...

— Ха-ха-ха! — не удержавшись, присоединился ко мне Юрка.

— Чего это у вас тут? — спросил хриплый голос.

Я оборвал смех, поднял голову и увидел Диму Димуру из седьмого «Д» класса. Дима стоял в проходе, упервшись руками в стены, и разглядывал нас с равнодушным любопытством (как хотите, но бывает такое сочетание).

— А, паралитик! — он узнал Юрку. — Привет, Антон! Чего веселитесь-

то? Косяк, что ли, раздобыли? — Дима принюхался.

— Нет, свои заморочки. Нормально, Дима, — ответил я. Ссориться с Димурой, особенно в присутствии Юры, мне не хотелось.

— Ну ладно, веселитесь, — разрешил Димура и покачал головой. — А то я туда шел пописать, вроде никого не было, обратно иду — появились и ржут как лошади. Как это вы так шустро, с паралитиком-то? Чудо? — Димура ушел, покачивая головой.

— Кто это? Чего он сказал? — быстро спросил Юра (Димура так щедро разбавлял свою речь матерными словами, что Юра, не привыкший к этому, просто не уловил смысла его высказываний).

Пришлось перевести.

— Что такое «косяк»? — спросил Юра.

— Сигарета с анашой. Легкий наркотик. Когда курят, часто смеются, вот как мы с тобой... В чем-то он уловил суть, согласен? И заметил, что мы появились внезапно...

— Ты его боишься? — Юра опять попробовал заглянуть в глаза, но я вовремя отвел взгляд.

— Не то чтобы... Неохота связываться. Он — лидер «дэшек». Садист, кошеч мучает и убивает для удовольствия. Деньги всегда есть. Умный, не попадается. «Дэшки», даже самые крутые, под ним ходят. Отец сидит за убийство. Учителя его тоже не трогают, ходят всякие истории...

— Почему он не у нас, не в нашем классе? — спросил Юрка.

— Не знаю. Так с самого начала повелось. У нас все же — коррекция, не совсем нормальные, ты бы сказал «с диагнозами», или с какими-то проблемами, а в «Д» — там, скорее, с криминальным, что ли, уклоном...

Это, вообще-то, интересно. После седьмого класса исчезают и «дэшки», и мы, «ешки». Последний восьмой класс — 8 «Г». Про нас много говорят, думают, пугают, решают, куда и как распределять. «Дэшки» исчезают бесшумно, как бы сами собой. Растворяются в пространстве, «якотать в нощи». Куда они деваются? Ничтожное количество оказывается в «В» и «Г» классах. А остальные? Кажется, никому не хочется об этом думать. А мне что, больше всех надо? У меня свои проблемы. Пока мне хотелось бы знать, где мы все-таки побывали.

— Объясняй! — потребовал я.

— Ну, если в общем, то там исполняются желания...

— Чепуха! — я резко взмахнул рукой и удержал едва не вырвавшееся наружу ругательство. — Чего это мне было того петуха желать?

— Я же сказал, в общем... На самом деле, все сложнее, конечно. И желания исполняются не напрямую, да и пересекаться они могут между

собой...

— Как это — пересекаться?

— Ну, если я захочу, чтоб мы с тобой были в океане, а ты — чтоб на крыше небоскреба, то где мы окажемся?

— Не знаю. А где?

— Думаю, в какой-нибудь луже или в пруду... Или просто в болоте на пригорочке...

— Ага, понял, — мне стало весело, как бывает весной, солнце светит и капель капает. — То есть чего же это я хотел на самом деле?

— Не знаю, тебе виднее, — Юрка пожал плечами. — Наверное, приключений. Но чтоб смешные, как в комедиях...

— Ага, а ты, конечно, хочешь...

— Да, я хочу ходить, бегать и все такое, — спокойно подтвердил Юрка. — Поэтому там я и бегаю.

— Здорово. А что же, любой туда может попасть?

— Я, наверное, могу провести любого. А сам по себе... Не знаю, кто и почему туда попадает. Я вот попал...

— А есть такие, кто там постоянно живет?

— Тоже не знаю. Это трудно понять, почти невозможно, ты сам увидишь. Там есть такое неписаное правило: никто не говорит о мире, из которого пришел. Приходят, уходят, живут...

— Время, я так понимаю, и там, и здесь течет... — я оглядел сгущавшиеся вокруг сумерки.

— И это тоже по-разному, — удивил меня Юрка. — Иногда можно там долго пробыть, а здесь час всего прошел. А иногда — один в один. Поэтому трудно подгадать...

— И многих ты уже туда... водил? — спросил я, чувствуя, как внутри шевельнулось что-то нехорошее.

— Никого, ты — первый.

— Почему? — я удивился, но как-то даже немного надулся от удовольствия.

— Да как-то некого было... — грустно сказал Юрка, и я, вспомнив про его жизнь, сразу же сдулся обратно.

— Да... — сказал я и понял, что разговор кончился. Вроде бы много-много всего надо спросить, а вроде — и нечего. То есть глупостей много, но вот по существу... Подумать надо. — Что ж, пошли по домам, что ли?

— Пошли, — Юрка потянулся к костылям и начал подниматься.

— Черт! Черт! Черт! — вскрикнул я и ударил кулаком по стенке гаража. Я все услышал и понял, но почему-то после того леса мне казалось,

что Юрка теперь всегда будет гибким и быстрым, как тогда, когда он одним махом взлетел на спину рыжей лошади...

— Ничего, — утешил меня Юрка. — Привыкнешь. Я же привык... А ты думай...

— О чем думать? — не понял я.

— Обо всем. Как ты теперь будешь... Я ж тебя не зря туда брал...

Поздно вечером, точнее, уже ночью, когда мать давно заснула на своей оттоманке и храпела с открытым ртом, я понял, что имел в виду Юрка.

Листья герани на фоне окна походили на черные кошачьи лапы. Когда под окнами проезжали машины, тень от люстры на потолке раздваивалась, пробегала из угла в угол, а потом чуть-чуть покачивалась. В комнате было душно, потому что мать очень боится сквозняков. Я лежал под ватным одеялом и никак не мог согреться. Меня тряслось. Ныли разбитые о стену гаража костяшки пальцев.

Глава 9

— Гляди, какая... — сказал один из парней и облизнул узкие губы. Судя по прикиду и усику радиотелефона, торчавшему из кармашка одного из них, они были из «ашек». Класса так из десятого.

— Да ну, малолетка...

— Разуй глаза. Говорят, она совсем ку-ку. Почти не разговаривает. Значит, болтать не будет.

— Да брось ты, Артем, охота связываться... Чего ты на нее запал-то? Да еще из этого... класса коррекции... Других, что ли, нету?

— Да посмотри ты внимательно... Она мне даже во сне снилась... Рассказать, что?

— Во козлы! — прошипела Витька.

— Убил бы всех, — согласился с ней Пашка. — Но чего ж? Все равно — рано или поздно...

— Пантелеий, они...

— Да бросьте вы! Не наше дело. Охрану не приставиши. Все равно ей пропадать, если не поправится. Да и так. Уж больно она... Ладно, заболтался я с вами. Дела стоят. Покеда! Завтра на математику приду.

— Я ее иногда и сама убить хочу, — сказала Маринка с каким-то сложным чувством. — Чтоб не мучилась.

Глава 10

Во вторник Митька пришел в школу один и ходил с таким потерянным видом, что всем было ясно: к вечеру изловчится как-нибудь и напьется. Просил денег у Пантелея. Пантелея не дал. Не потому, что нету, — принципиально. Хотя Митька и говорил, что отработает. Мне кажется, отказал из-за Витьки. Пантелея ее как-то... уважает, что ли?

Ленка и я пробовали спросить у Митьки, куда Витька подевалась, он бормотал что-то, но никто не понял. Митьке надо задавать прямые вопросы, чтобы он отвечал только «да» и «нет». Мы выяснили, что Витька не заболела и не сбежала. Маринка вызывалась сходить после уроков и узнать, в чем там дело.

В среду Маринка отчиталась. Оказывается, Митькина и прочих его братьев и сестер маманька куда-то подевалась. Ушла и не вернулась. С ней такое и раньше бывало, ничего страшного. Но сейчас осталась Милка, Митьки и прочих самая младшая сестра. Милке семь месяцев, и до сей поры она ела только молоко. А сейчас орет благим матом третью сутки и кашку, которую ей Витька варит, есть никак не хочет. Витька уже с ног падает. Пока Маринка два часа качала Милкину кроватку, Витька поспала. А Митьку Милка боится.

— Может, в ясли ее? — спросил Игорь Овсянников.

— Семь месяцев, идиот! — рявкнула Маринка. — Какие ясли?! С полутора лет берут, да и то не во все.

— Можно в дом ребенка, — сказал Ванька. — Только жалко. Там дюже плохо.

— Витька с Митькой никому отдавать не хотят, — сообщила Маринка. — Думают, маманька вернется. Она ж раньше-то возвращалась...

На последней перемене ко мне «прихияля» Юра на своих сложных костылях (он сам так свою походку называет: «хильять на полусогнутых») и жалобно попросил:

— Антон, объясни про Милку. Я не понял — как так?

— А вот так! — зло ответил я. Потом успокоился и объяснил.

Вообще-то тетя Нина, Митьки, Милки и остальных мать, — женщина неплохая и очень добрая. Она им иногда и книжки читает, и стирает, и даже елку новогоднюю делает. А иногда — ее как выключает кто. Лежит и не делает ничего. Может, это болезнь какая, а может, у нее просто сил мало — не знаю. Она ведь не пьет, не курит и наркотики не любит очень. И гуляющей

ее тоже не назовешь. А детей у нее так много, потому... В общем, потому что она очень добрая и отказывать никому не умеет. Но и делать с этими детьми тоже ничего не делает. Как Митькиного отца посадили, так и живет... непонятно как. Иногда уходит куда-то. Потом возвращается. Вот и теперь.

На следующий день Мишаня принес и отдал Митьке кенгурушка, в котором младенцев носить, у него от младшей сестры остался. А Пантелея пришел в школу с огромным рюкзаком. Его даже внизу охранник пускать не хотел. Потом посмотрел, что не бомба, и пустил. В рюкзаке лежало детское питание в коробочках и баночкиах. Мы думали, что он его тоже Митьке отдаст, но Пантелея Митьке не доверяет. После математики он ему сказал: «Веди!» — и Митька повел.

После выходных Витька пришла в школу, зато Ленка исчезла. Я понял, что девчонки установили дежурство, чтобы Витька могла как-то учиться. Хотел предложить свои услуги, но не решился. Потому что я вряд ли с семимесячным младенцем справлюсь. Боюсь я их и не люблю. Где-то до двух лет. Потом — ничего. А когда совсем маленькие — они страшные. Лежат такие личинки толстенькие или ковыляют на кривых ножках, бормочут что-то на своем колдовском языке... Головы большие, ручки маленькие, загребущие, главное слово — «дай!» Страшные...

Глава 11

В среду новый учитель географии сказал:

— А знаете что, ребята? Давайте в субботу съездим с вами за город, на экскурсию. Посмотрим горные породы и минералы, характерные для нашей области. Вот хоть в Саблино. Там есть очень интересные обнажения с окаменелостями.

— Как это — «обнажения с окаменелостями»? — тут же заинтересовался Таракан, делая неприличные жесты. Все, кто понял намек, громко захихикали. Остальные захихикали просто так.

Бедный географ! Нашел, кому предложить. Наверное, ему из всех параллелей дали только «дэшек» и «ешек». Вот он и выбрал наименьшее зло — нас.

— Вы знаете, Сергей Анатольевич, нас ведь на экскурсии не берут, — серьезно сказала Маринка.

— Почему?

— Потому что мы себя плохо ведем, — тоном девчонки-ябеды проблеял Игорь Овсянников.

— Но, может, ничего? Не так уж плохо? — спросил учитель, и мне опять стало его жалко. — Есть же и в вашем классе ребята, которые хотят что-то знать. Крылова? Антонов? Стефания?

Тут уж все заржали просто в голос, а Таракан сзади стукнул Стешу по плечу и крикнул ей прямо в ухо:

— Стешка! Хочешь обнажения смотреть?

Стеша медленно обернулась, осветила Таракана взглядом своих лазоревых глаз, подумала и ответила:

— Хочу.

В субботу мы не поехали на экскурсию. Я, Ванька и Игорь Овсянников ходили к Таракану в больницу. Накануне его папаша напился и бросился на мать с кухонным ножом. Таракан вступил за мать и укусил отца за руку. Нож тот выронил, но Таракану досталось не слабо.

Он лежал в общей большой палате и казался каким-то очень маленьким. Мать сидела рядом на облезлой табуретке и тихо плакала.

Таракан, синий с желтым, ее очень стеснялся и гнал домой, но нам она, по-честному, совершенно не мешала. Казалось, она может сидеть здесь и плакатьечно. Как какая-нибудь статуя с фонтаном. Кому она мешает?

Ванька достал из-за пазухи и отдал Таракану три яблока, а я —

шоколадку. Игорь Овсянников принес потрепанный эротический журнал.

Таракан злобился и скалил мелкие зубы.

— В суд можно подать, — сказал я.

— Она не согласится, — Таракан кивнул на плачущую мать, как на неодушевленный предмет. — Пока он ее вообще не прибьет. Или меня. Тогда его посадят.

Юрка все эти дни вел себя так, словно мы с ним были едва знакомы. Я тоже в гости не напрашивался.

Потом однажды он дождался меня в раздевалке и спросил, сидя на скамейке и глядя снизу вверх:

— Ну что? Надумал чего-нибудь?

— Ничего не надумал, — честно ответил я. И сам спросил: — Когда?

Глава 12

— Ты здесь давно уже бываешь, — сказал я, сидя на траве и глядя в небо. Небо как небо — голубое, с облачками-барашками. Юрка, как и в прошлый раз, ходил по поляне и собирал землянику. — Как ты думаешь, что теперь будет?

Сказать честно, мне было страшно. В прошлый раз — почти совсем нет, а в этот — страшно просто до колик. Говорят, что с парашютом трудно прыгнуть не в первый, а во второй раз. Когда уже все знаешь. Может быть, здесь что-то в этом роде. Но вряд ли...

— Я думаю, теперь тебе что-нибудь предложат. Ну, чтобы ты выбрал. Что тебе больше подходит... Ты не волнуйся.

Я зажмурился. Юрка не знал, но я-то догадывался, что мне подходит. И не мог не волноваться. Но может быть, Юрка ошибается?

— Хочешь? — Юрка протянул мне ладонь с ягодками земляники. Как будто капельки крови. Я помотал головой. — Тогда пошли?

— Пошли, — согласился я.

Замок был как на картинке. Он вырастал из скалы, в узких окнах горели красноватые огоньки, подъемный мост через расщелину был поднят и, слегка наклонившись, висел на толстых цепях.

— Ого! — сказал Юрка. — Никогда здесь такого не видел. Классный замок. Наверное, там колдун живет или еще кто-нибудь в том же роде.

Юрке было весело и интересно. Мне было холодно. Вообще-то к вечеру в лесу действительно похолодало, но мой холод, кажется, шел изнутри.

На поляне горел костер, сложенный как-то странно — домиком. Вокруг сидели люди. Лица и колени у них были оранжевые, а все остальное — черное. Люди пели:

Я теперь вспоминаю, как песню,
Пионерии первый отряд,
Вижу снова рабочую Пресню
И знакомые лица ребят...

Юрка улыбнулся и шагнул в круг. Я остался в кустах. Сидящие у костра раздвинулись, освобождая Юрке место. Песня была вроде бы

детская, но возраст у собравшихся людей был самый разный. Юркины губы двигались, наверное, он пытался подпевать. Как и песня про трех ковбоев, эта песня показалась мне смутно знакомой. Но слов я не знал. И что делать дальше — тоже. Идти к замку? Юрка помахал рукой, приглашая к костру.

— Сейчас картошка будет. Печеная, — беззвучно, одними губами сказал он. Я облизнулся, но отрицательно помотал головой. Люди у костра мне нравились. Мешать им не хотелось. Вдруг я подойду, и у них тоже что-нибудь начнется, как в кабачке? Лучше я тут посижу, в кустах.

От пионерского костра долетало мягкое тепло, блики прыгали на листьях, я сам не заметил, как задремал.

Проснулся оттого, что Юра тряс меня за плечо. Я мгновенно вскочил на ноги и даже принял то, что считал боевой стойкой, — вероятно, древние рефлексы сработали помимо сознания.

Юра усмехнулся:

— Ты прямо как Конан-варвар. Только меча не хватает.

— Угу, — сказал я, не вдаваясь в дискуссии. — Куда дальше?

Светало. На поляне уже никого не было, и даже угли были тщательно разметены. Взахлеб пели птички, а роса казалась рассыпанными в траве изумрудами.

— Дома нас, наверное, уже по моргам ищут, — сказал я, стараясь казаться безразличным, как и положено полноценному Конану.

— Не, — Юрка помотал головой. — Я иногда чую, когда можно. Сейчас — можно. Пошли.

Мне нравится ходить по лесу, только редко приходится. По проселочной дороге можно идти долго-долго и ни о чем не помнить. Иногда я думаю, что хорошо бы стать лесником и жить одному в избушке на берегу лесного озера. У меня там были бы три собаки, кошка, может быть, даже куры и коза. Почему-то мне кажется, что я сумел бы со всеми ними справиться.

Неожиданно лесная дорога, по которой мы шли, выскочила на шоссе. Я присвистнул, оглянулся на Юру, но он не выглядел удивленным. Замок на скале по-прежнему виднелся вдалеке. Почему-то при свете дня он выглядел более зловещим, чем ночью, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Еще дальше синели горы. Не сговариваясь, мы свернули в сторону замка.

Почти сразу же на шоссе показался вывернувший из-за поворота автомобиль. Он ехал нам навстречу, и потому голосовать смысла не имело. Автомобиль был шикарный, блестящий, но какой-то слегка... устаревший, что ли? Впрочем, я совсем не разбираюсь в автомобилях. Вот Ванька определил бы точнее.

Автомобиль мягко затормозил рядом с нами. Из открытого окна донеслась приятная мелодия. Широкие сиденья были обиты вишневым бархатом. За рулем сидел симпатичный толстый дядька с седыми висками, лет пятидесяти на вид. Мы с Юркой переглянулись и разом подумали о том, очень ли нам надо в этот несимпатичный замок. А может, обойдемся?

— Здравствуйте, молодые люди, — поздоровался дядька. — Куда путь держите?

— Здравствуйте, — вежливо ответил Юрка. — Насчет пути мы еще сами не решили. — Он оглянулся на меня, и я согласно кивнул. — А вы не подскажете нам, кто во-он в том замке живет?

— О-о, это такая глупость, молодые люди, такая глупость! — заволновался дядька. — Вам ни в коем случае не следует туда ходить!

Видно было, что водитель автомобиля никогда не изучал психологию и даже не читал современных журналов. Иначе он знал бы, что если подростку сказать: «Не ходи туда!» — он именно туда и направится в первую очередь.

— А все же — что там такое? — поинтересовался я.

— Там, видите ли, проживает заколдованный принцесса! фыркнул дядька, и сразу стало ясно, как он относится к принцессам вообще и к заколдованным в частности. Мы с Юркой засмеялись — уж очень все это было нелепо.

— Вот именно! — обрадовался водитель. — Я и говорю: совершеннейшая глупость. И ведь лезут туда, ненормальные, и сворачивают себе шеи совершенно по-настоящему...

Я почувствовал, что вполне могу повременить и не сворачивать себе шею из-за какой-то заколдованной принцессы. Честно сказать, меня принцессы сейчас вообще интересовали по минимуму. Дядька легко прочитал мои мысли и обрадовался еще больше:

— Нечего вам там делать, ребята, нечего совершенно! Садитесь лучше, подвезу до города с ветерком! Здесь всего ничего, до города-то...

Я посмотрел на Юрку и решительно потянул на себя блестящую дверцу. Из салона пахнуло одеколоном «Шипр». Я помнил этот запах, именно таким одеколоном дышался после бритья мой дедушка.

Город был обычный на первый взгляд, но очень странный, если приглядеться повнимательнее. Большинство домов — одноэтажные, стоят в глубине садов. Уложки петляют между садами, давешний автомобиль по ним явно не проехал бы. Застрял бы на повороте. Кое-где попадаются настоящие дворцы. Кажется, что все дворцы выстроили джинны, не имеющие представления об архитектуре как науке, и эти странные

конструкции держатся друг на друге лишь с помощью заклинаний. Жить в них тоже вряд ли удобно. Впрочем, кому что нравится. Например, ближе к центру мы с Юркой обнаружили несколько совершенно петербургских серых домов, стоящих квадратом. Посередине имелся двор-колодец и даже помойный бак, переполненный отбросами. В отбросах лениво рылись два кота — черный и полосатый.

— А это откуда? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами Юрка. — Наверное, кто-то зелень не переносит. Только асфальт.

Кроме сказочных дворцов и нескольких многоэтажных, явно жилых, зданий, над городом возвышались и еще какие-то строения, которые мы решили считать храмами. Среди них я опознал православную церковь с золочеными луковицами, католический собор и голубую мечеть с минаретом. Остальные храмы, должно быть, принадлежали неизвестным нам богам.

В центре города раскинулся рынок, напоминавший обычную барахолку. От витавших над рынком запахов рот у меня мигом наполнился слюной. Юрка, видимо, тоже проголодался, потому что остановился возле лотка с пирожками и достал горсть мелочи.

— Тут что, наши деньги принимают? — удивился я.

— Любые принимают, — сказал Юрка. — Лишь бы настоящие. Я как-то специально взял из дома марки немецкие. Тоже приняли. И все друг друга понимают. Как это получается — не спрашивай, не знаю.

Мы съели по два пирожка с картошкой и запили их чем-то, что продавалось в глазированных горшочках и называлось «узвар». Юрка сказал, что это вкусно и мне надо попробовать, я согласился (а что мне еще оставалось?), но как-то этот узвар меня не порадовал. Приторный слишком и похож на столовский компот. Хорошо было бы попить чистой водички, но где ее взять? Может, где-то колодцы есть? Или у них водопровод? Юрку я расспрашивать не стал и как-то сразу почувствовал, что очень устал. И одновременно испугался, что мы останемся тут навсегда. Ничего плохого вокруг не было, но я не хотел здесь оставаться — это я как-то четко понял.

Потом мы пошли в парк, который располагался в квартале от рынка, и там я напился из небольшого фонтана. Сели на лавочку.

— А почему здесь весна-лето? У нас-то зима скоро.

— А здесь всегда так.

— Всегда?! — удивился я. — Почему?

— А ты б хотел, чтобы сейчас ноябрь был? — вопросом на вопрос ответил Юрка.

Я поежился.

— Нет, конечно.

— Вот и никто не хочет. Поэтому так и получается.

Мы помолчали.

— Ну что? — спросил Юрка.

— Почему — я?! — собирался спросить спокойно, но получился почти визг.

— Потому что я не знаю ничего, — тихо ответил Юрка. — Я же в клетке жил. А ты — на воле. Тебе и решать.

— Здесь что-то неправильно, — сказал я. — Ты чувствуешь?

Пока мы шли к рынку и парку тоже, мы видели людей, жителей города. Большинство сидели на террасах или в саду, пили чай или обедали. Некоторые беседовали между собой, прогуливаясь все в тех же садах. Мирная, спокойная картина. Но все-таки — что у них сейчас: обед, завтрак или ужин?

— Конечно, чувствую, — согласился Юрка. — А у нас что — все правильно?

— Не знаю, — я помотал головой, словно отгоняя москитов или комаров. — Мишане хорошо бы сюда, поглядеть, послушать... Витьке с Милкой тоже, и Стеше — может быть, она снова говорить бы начала и понимать...

Так — что? — спросил Юрка.

— Но ведь потом-то возвращаться... Как бы хуже не сделать...

— Может, не сделаем, я же привык...

— Но ты-то сюда как попал? Тебя кто-то привел?

— Нет, как-то само собой получилось... Однажды.

— Вот видишь... В твоем случае сработал какой-то закон. Причем ты до сих пор не знаешь, какой. И я не знаю. А здесь...

— Ты... Ты захочешь еще сюда вернуться?

— Не знаю. Не знаю. Не знаю! — я почти кричал. Две девушки в светлых платьях колокольчиками, гулявшие по аллее, приостановились и с удивлением посмотрели в мою сторону. Я почувствовал, как на глазах выступили слезы, разозлился и от злости сумел загнать слезы назад. Они так и не пролились.

— Какие красивые, серьезные мальчики, — сказала одна девушка другой.

— Будем надеяться, что у них все получится, — откликнулась другая, с цветком шиповника в волосах.

Девушки ласково улыбнулись нам с Юркой и пошли дальше.

— Давай попробуем, — сказал я. Меня никто и никогда не называл красивым мальчиком. Вот Юрка без его болезни и вправду — красивый. А я? Вдруг я тоже — красивый и серьезный? — Но все равно — что-то здесь не так.

— А Паша? — нерешительно спросил Юрка. — Паша тоже... Я не знаю, как у него дома...

— Худо у него дома, — сказал я и кивнул головой. — Пускай...

Если здесь и вправду сбываются желания, то Пашка прямо на той земляничной поляне меня и кончит. Придушит собственными руками. Чтоб под ногами не мешался и Юрку не отвлекал.

Глава 13

— Что у тебя с рукой? — Маринка кивнула на подживающие костяшки, покрытые коричнево-желтой корочкой.

— В боевое карате записался, — ответил я и убрал руку в карман. — Учусь стенки кулаками прошибать. Пока не очень получается.

— Правда?! — почему-то обрадовалась Маринка. — Давно пора, — и отошла, оставив меня размышлять над ее словами. Почему это, интересно, мне давно пора в боевое карате?!

— Мишаня, слушай сюда! — решительно начал я. Мишаня напрягся и закрутил головой, пытаясь одновременно и услышать меня (я говорил громко, но кричать не решался), и удержать в сохранившемся поле зрения. — Хочешь посмотреть и послушать, как все? Есть место...

— Пошел ты! — твердо сказал Мишаня. — Мне врач сказал: будешь наркотики принимать, сразу — ослепнешь и оглохнешь. Мне это надо?

— При чем тут наркотики, Мишаня! — сказал я и сам почувствовал в своем голосе неуверенность. А что я предлагаю Мишане? Что?! — Просто есть такое место. Юрка там ходит и даже на лошади скачет, — добавил я для убедительности.

— У тебя что, Антон, крыша поехала? — в голосе Мишани послышалась тревога и даже сочувствие. — Говорили же тебе: меньше книжек надо читать!

— Хочешь попробовать или нет?! — крикнул я. — Если у меня крыша поехала, ты-то чем рискуешь? Денег мы не берем.

— Мы?

— Да, мы с Юркой.

Мишаня колебался, вращал глазами, тер нос, переминался с ноги на ногу. Видно было, что ему и хочется, и колется.

— Ладно, думай до конца уроков, — милостиво разрешил я. — А там скажешь. Мне или Юрке.

— Стеша не хочет, — грустно констатировал Юрка.

Я рассмеялся:

— А как ты узнал-то?

Спрашивать у Стеши бесполезно. Ее надо брать за руку и вести. Если она знает человека и доверяет ему, то пойдет. Куда угодно.

— Она сама сказала: «Спасибо, нет».

— Стеша сказала?! — А вот это уже интересно... Очень, очень

интересно...

— Да. Мне даже показалось, что она испугалась. Она сделала вот так, — с Юркиной пластикой жест напоминал изгнание нечистой силы. — И ушла. Быстро. Ее еще какие-то парни остановили, взрослые, и чем-то угостили. Кажется, шоколадкой. Она взяла, но как будто не заметила, и дальше пошла. А потом ее Лена поймала.

Мне всегда казалось, что после всех своих несчастий Стеша хоть и мало понимает, но много чувствует каким-то другим способом. И если Юрка все точно рассказывает и она так решительно отказалась, то это что-то да значит...

— Это что-то значит, — сказал я.

— Да, я тоже так подумал, — согласился Юрка. — Ты думаешь, зря мы...

— Не знаю я, что думать! — огрызнулся я. — Но ничего не делать — это самое простое.

— Знаешь, Паскаль говорил, что если бы люди научились тихо сидеть в своих комнатах, то количество зла в мире сильно уменьшилось бы...

— Какой Паскаль? — перед моими глазами замелькали разноцветные обложки книг с монстрами, магами и инопланетными чудовищами.

— Ну, этот... математик, — сказал Юрка.

Ты... ты Паскаля читал? — я осторожно вернул на место отвалившуюся челюсть.

— Подумаешь, — Юрка улыбнулся так, словно извинялся за что-то. — Делать-то нечего было. Ноги не ходят, руки не работают, а мозги у меня, сам знаешь, в порядке...

— Да-а, — мне стало здорово и неуютно одновременно. Словно в душной комнате сквозняком потянуло.

— Ты мне когда-нибудь расскажешь? Про себя? — спросил Юрка.

— Когда-нибудь расскажу, — пообещал я, а про себя подумал, что рассказывать в общем-то нечего. — Я Паскаля не читал, только мне кажется, что он прав всего наполовину: зло, может быть, и уменьшилось бы, но ведь и добро — тоже. Согласен?

— Согласен, — сказал Юрка.

Елизавета Петровна, завуч по внеклассной работе, квадратно возвышалась над столом и терпеливо улыбалась. Улыбка походила на прямоугольник, в котором длина раза в четыре превосходит ширину. Сергей Анатольевич, молодой географ, стоял перед ней. В течение разговора она уже два раза предлагала ему сесть, он садился, но тут же снова вскакивал. В предбаннике кабинета прятался за дверью тихий Игорь

Овсянников, вызванный к завучу за очередную проделку. Понятно, что предстать перед светлые очи он не торопился и с любопытством прислушивался к происходящему в кабинете.

— Но почему же «Е» и «Д» классы не ездят на экскурсии?

— Поймите же, Сергей Анатольевич! — прямоугольник улыбки зазмеился в такт словам. — Вне стен школы этих детей просто невозможно удержать вместе. Они разбегаются, ведут себя антиобщественно, пристают к прохожим. В конце концов, мы за них отвечаем и не можем себе позволить... У нас обширная экскурсионная программа для гимназических классов...

— Но это же нерационально! Детей из гимназических классов родители и так сводят в музеи, в театры. А этих просто некому вести! Именно поэтому школа и должна...

— Запомните, во внешкольное время школа никому и ничему не должна! То, что мы делаем, — это наша благая инициатива. Вести куда-то этих детей, за которых вы так хлопочете, значит подрывать авторитет нашей гимназии, рисковать...

— Значит, престиж гимназии для вас важнее, чем развитие, образование детей?

— В вас, любезный Сергей Анатольевич, говорит юношеский максимализм. Когда-то и я была такой же, — Елизавета Петровна глубоко вдохнула и сделалась похожа на лягушку из рекламы, страдающую от вздутия живота. — «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь...», «Пусть сильнее грянет буря!», «Все зависит от меня» и т. д. А теперь... Поймите, престиж гимназии, ее имя создавалось годами, трудами многих достойных людей, и все это вовсе не показуха, как вы, наверное, в пылу раздражения полагаете. Гимназическим, да и обычным классам мы даем сегодня очень приличное среднее образование...

— А что же «дэшки» и «ешки»? Брак, некондиция? Вы знаете, как они сами (сами!) себя называют? Дэшки — «долбанутые», а...

— Избавьте! — завуч махнула полной рукой с неярким, в тон блузке, лаком. — Поверьте, я не меньше вашего хотела бы помочь этим детям. Но, в отличие от вас, на моей стороне опыт, в том числе педагогический, и он говорит: в сложившихся условиях помочь невозможно. Невозможно! И не думайте, что мне легко так говорить. Наоборот: в моей юности было такое, что вам, по счастью, уже не грозит, и знаете, не так уж легко по капле выдавливать из себя буйнопомешанного буревестника... — Елизавета Петровна закручинилась, а прямоугольник рта превратился в овал.

— Не может быть, чтобы не было выхода! — решительно сказал

Сергей Анатольевич. — Наверняка есть!

— Какой же? — с любопытством взглянула на него завуч.

— Перемешать классы! Сделать, как раньше. Тогда на каждый класс будет по три-четыре таких ребенка, с ними можно будет работать, ездить на экскурсии...

— Волонтеризм! презрительно фыркнула Елизавета Петровна. — Вы думаете, наши спонсоры захотят, чтобы в одном классе с их детьми учились Паша Зорин или Вася Метелин? За что, по-вашему, они платят школе не такие уж маленькие деньги? И я, между прочим, не кладу их себе в карман, но вкладываю в развитие школы. Компьютерный класс, мебель, собственная мини-пекарня... Да и зарплата у вас не совсем такая, как у ваших коллег из обычных муниципальных школ... Так что я призываю вас успокоиться, тем более что Дима Димура и Митя Катаев из ваших «Е» и «Д» классов не так уж рвутся посетить филармонию или Русский музей. Поверьте и... извините за прямоту. Лучше сразу...

— Извините и вы меня, Елизавета Петровна, — тихо сказал Сергей Анатольевич. — Но я пока не буду успокаиваться...

— Что ж, воля ваша, — вздохнула завуч. — Дерзайте, но помните, что если они с вами, то вы за них отвечаете. В том числе по уголовному законодательству.

— А если они без меня, без нас, то за них никто не отвечает... — ещетише пробормотал Сергей Анатольевич и вышел. Овсянников совсем сплющился за дверью, но до него никому не было дела.

— Ой, девки, сегодня завуч географу такую пропесочку устроила! Я случайно услышал, — взахлеб рассказывал Игорь Овсянников Ленке с Маринкой и примкнувшей к ним Стеше. Ленка что-то просматривала в учебнике по физике, Маринка жадно слушала, Стеша смотрела за окно, где кружились крупные хлопья первого снега.

— Он, вроде, все хочет нас повести куда-то. Упорный! А она ему: и не думайте, Сергей Анатольевич, они, мы, то есть, — явление антиобщественное и опасное для престижа ее...гимназии.

Маринка хихикнула. Ленка подняла голову и посмотрела на Игоря мутными глазами, в которых плавали обрывки физических формул.

— Слышишь, Стешка, — Игорь помахал рукой между Стешинным лицом и оконным стеклом. — Я так думаю, что этот, обнажения с отложениями, через тебя страдает...

— Да ты что?! — ахнула мигом отключившаяся от физики Ленка.

— А то! Не видела, что ли, как он на нее плялится?

— Через меня страдает? — медленно переспросила Стеша и тут же

обернулась к Маринке. — Почему снег черный?

Все четверо уставились за окно и увидели, что на фоне светло-серого неба падающие хлопья и вправду кажутся черными.

— Весь мир — дермо! Потому, — предположил Игорь Овсянников. Стесишины глаза распахнулись еще больше и стали совершенно неправдоподобными.

— Отвяжись от нее, — сказал я. Я решал задачи рядом на подоконнике и слышал весь разговор краем уха.

— А ты, Антон, чего лезешь? — мигом окрысился Игорь. — Тебе какое дело?!

Я ссориться с Игорем не собирался, поэтому ответил мирно:

— Не надо ее тревожить. Ты знаешь, как она это все понимает? Вот и никто не знает. Вдруг хуже станет?

— Да ладно, — Игорь махнул было рукой, но вдруг опять завелся. — Нет, но тебе-то что? Ты-то чего во все за всех лезешь?! Тебе что за дело?!

— Так уж я устроен, наверное, — честно ответил я.

В этот миг прозвенел звонок на урок.

— Тебе знаешь что... знаешь что... тебе надо по капле выдавливать из себя буйнопомешанного буревестника! — гордо сказал Игорь и удалился в сторону кабинета физики. Я осел на подоконник и тихо позвал вслед:

— Эй, Овсянников, ты что — Горького с Чеховым читал, что ли?

Игорь не обернулся и ответом меня не удостоил.

Глава 14

Между гаражами лежало три черных пластиковых мешка с мусором. Кошки или собаки порылись в них, съели все достойное и рассыпали объедки. В оттепель объедки подгнили и теперь отвратительно воняли.

— Пошли, что ли, в другое место? — нерешительно предложил я, оглядываясь на Юрь с его костылями.

— Ништяк! — сказал Пашка.

— Интересно, почему они не дошли до помойки? — философски спросил Юрь, имея в виду хозяев мешков.

— А куда? — спросил Мишаня, который мусора, может, и не видел, но запах почувствовал прекрасно.

Витька с уснувшей в кенгурушинке Милкой промолчали. Видно было, что на отбросы им наплевать.

Впрочем, другого со всех сторон закрытого места в окрестностях не было, и мы решили объедки игнорировать.

Потом все посмотрели на меня. Я театрально простер руку и указал на Юрку. Мы с ним заранее договорились, что объяснять все собравшимся будет он сам. В конце концов, это его мир. Юрка открыл рот, но сказать ничего не успел.

— Ага! Тут они, точно! — послышался слегка удивленный голос. — И паралитик здесь!

Вслед за худощавым незнакомым мальчишкой в щель между гаражами протиснулись Дима Димура и Толя Табаков по кличке Шакал Табаки.

— Ну, чего у вас тут? — хмуро сказал Дима. Видно было, что из-за непонятности ситуации он чувствует себя не слишком уверенно и поэтому злится. — Давайте сюда!

— Что давать, Дима? — спросил я. — Мы просто разговариваем.

— Чего ты гонишь? Чего ты мне гонишь-то?! — мигом взъярился Дима. — За лохов, что ли, нас держишь?! Кто сюда просто разговаривать пойдет?!

— Ну, точно! Чего они, Дима?! Не уважают, наверное, — подначивал главаря Табаки.

Их было трое. Нас — пятеро, не считая Милки. Но... У Витьки на руках младенец (то, что она девчонка, не в счет. Дерется Витька лучше меня). Мишаня в сумерках почти слепой. Если ему разбить очки или просто стукнуть башкой об стенку гаража, неизвестно, что с ним потом

станет. Может, он вообще навсегда ослепнет и оглохнет. Про Юру с его костылями и вовсе говорить нечего.

Мы с Пашкой шагнули вперед. Дима Димура улыбнулся довольной, поганой улыбкой. Теперь ему все было ясно.

— Паша, дай мне руку! — четко сказал Юра за моей спиной.

— Чего?! — вытаращился Пашка, для которого, как и для Димы, все наконец стало яснее ясного.

Я схватил Пашку за рукав и не глядя протянул вторую руку назад. Кто-то, кажется, Мишаня, уцепился за мои мокрые от волнения пальцы. Краем глаза я успел заметить, как Юрка, пытаясь встать, обнял Витьку за плечи, а Табаки, что-то почувствовав, прыгнул вперед. Все исчезло.

Глава 15

На этот раз земляники на поляне почти не было. Наверное, Юрка всю съел. Я сильно потянул себя за волосы, чтобы заглушить головную боль и унять дрожь в руках.

— Но мы можем что-нибудь сделать? Чтобы сейчас вернуться? — в третий раз спросил я у Юрки.

— Нет, — терпеливо ответил Юрка. Тоже в третий раз.

Я зарычал от ярости.

— Почему, блин, не сработало?! Ведь мы же держались за руки!

— Я не уверен. Может быть, и сработало, — спокойно сказал Юрка.

— Как это?! Где же они тогда? Почему их здесь нет?

— Ну, они могли и не想要 оставаться с нами...

— И как же нам теперь их найти?

— Не знаю. А ты уверен, что надо искать?

— Объясни! Я ничего не понимаю. Мне кажется, что мы кинули Пашку и остальных, и они сейчас там... Из-за нас, между прочим. Если ты не объяснишь, я сейчас просто задохнусь от злости...

— Я думаю, что все сработало как надо, просто мы с тобой хотели остаться вместе — и остались, а они... ну, хотели чего-нибудь другого.

— Не знаю... — я покачал головой. — Мне кажется, что уж Пашка-то наверняка хотел остаться с тобой...

— Откуда ты знаешь? Может быть, чего-нибудь другого он хотел сильнее... Интересно, что подумали эти... Димура и другие... когда мы исчезли...

— Да уж, куда интереснее! Вот вернемся, встретимся с Димой и... повеселимся, одним словом... — все-таки Юрка, несмотря на весь свой ум, бывает наивным, как младенец. Но, с другой стороны, откуда ж ему знать-то...

— А чего им надо от нас было? Ты понял? — живо заинтересовался Юра.

— Да они и сами не поняли, — объяснил я. — Просто Димура еще в тот раз смекнул, что происходит что-то такое, чего он не знает, ну и завелся... Ему же немного надо. Не стоило нам к гаражам идти, я не подумал...

— Нет, ну что-то же они думали? Рассуждали как-то? Может, про наркотики? Ты сам в тот раз говорил...

— Да пойми ты, Юрка... — я попробовал представить себе рассуждающего Димуру, и мне стало досадно и смешно одновременно. — Отморозки вроде Димуры вообще думать не умеют. У них, ну... что-то вроде инстинктов, как у зверей. Территория, жратва, мое, не мое, кто сильнее меня, кто слабее... Если я чего-то не знаю, значит, здесь моя слабость, и я должен выяснить, что там, и стать сильнее... Если это считается «думать», тогда где-то так Дима и думал. А Табаки и другие его шестерки... Они просто за его спиной... ну, развлекаются, что ли...

— Мне кажется, ты упрощаешь, — важно заявил Юрка.

— Пускай, — мне было не до отвлеченных рассуждений. Вернемся, встретимся с Димурой нос к носу, тогда и будем решать, как он там думает и о чем. — Чего сейчас-то делать будем? Вернуться, ты говоришь, мы не можем. Значит, стоит пока считать, что ты прав и они все где-то здесь. Тогда вопрос: как их найти?

— А стоит искать? — невинно спросил Юрка. Я разозлился.

— А как же иначе?! Они же ни черта не понимают, куда их занесло, и что будет, и все такое...

— Да? — переспросил Юрка, как будто знал что-то такое, что мне даже и объяснять бесполезно. — Ну, и куда же они, по-твоему, пойдут?

Мне так захотелось стукнуть его по шее, что я едва сдержался. Я подышал, немного успокоился и начал рассуждать.

— Витька осядет там, где есть еда для Милки. Это может быть и город, и ферма какая-нибудь, Витьке в общем-то все равно. Следовательно, наткнуться на нее можно только случайно. Пашка, скорее всего, будет метаться из стороны в сторону, и логика его передвижений для нас тоже непостижима, ибо логики у Пашки нет в принципе. А вот Мишаня... Он вообще-то пацан бойкий и даже задиристый. Научился отбиваться за много лет. И если предположить, что он сейчас нормально видит и слышит, то...

— То он тут же отправится на поиски приключений, — улыбаясь, закончил за меня Юрка. — А приключения у нас где? Приключения у нас в замке, там, где заколдованная принцесса. Следовательно...

— Следовательно, топаем по направлению к замку.

Как только появилась хоть какая-то определенность, настроение у меня сразу улучшилось. Я даже насыщивать начал, шагая по знакомой уже тропинке. Вскоре потянуло дымком.

— В «Трех ковбоях», небось, обед готовят, — мечтательно протянул я, чувствуя, как собираются во рту слюни. — Знаешь, Юрка, надо бы в кабачок заглянуть. Вдруг там кого из наших видели. Ты поспрашивай, а я в кустах посижу, чтобы у них там... ну, опять каких-нибудь катаклизмов не

случилось.

Запах дыма становился все явственнее и все меньше походил на запах обеденной похлебки и жареной дичи. Я перестал насвистывать и непроизвольно ускорил шаг. Юрка почти бежал рядом. Молча.

На поляне перед кабачком росла очень зеленая трава. А в ней были такие темные холмики, как будто очень большой крот нарыл себе ходов. Ни один из холмиков не шевелился. Сам кабачок уцелел, но где-то рядом или внутри что-то сгорело, потому что над крышей поднимался голубоватый дымок. Дверь висела на одной петле, а изнутри слышались звуки заевшей пластинки:

«Тroe черных коней, три ножа, три нага...
Тroe черных коней, три ножа, три нага...»

Ножей, судя по первому взгляду, было значительно больше, наганов не наблюдалось совсем, а вот коней было всего двое: уже знакомая нам рыжая кобыла и темно-гнедой жеребец спокойно паслись на окраине лужайки, как будто ничего не произошло. Сорока, увидев нас, истошно застrekотала с верхушки ели. Я вздрогнул, а Юрка спросил севшим голосом:

— Может, им помочь?

— Это вряд ли, — сказал я и шагнул вперед.

Поднимаясь на крыльце, я боялся увидеть рыжую девушку. Почему-то очень легко было представить себе, что она лежит на дощатом чисто вымытом полу, а ее волосы, как разлившаяся оранжевая краска...

Внутри все было перевернуто, будто кто-то тщательно создавал декорации к вестерну или мушкетерскому фильму, разрубал столы, ломал стулья, бил посуду и все такое. Только чудом уцелевший проигрыватель с заевшей пластинкой в картину не вписывался. Я пальцем остановил пластинку и огляделся. Девушки нигде не было. Зато вокруг, вперемешку с черепками и обломками мебели, валялось очень много всякого оружия — кинжалы, шпаги, пистолеты, дубинки, что-то вроде электрошокера и вообще неизвестные мне, но очень злобные на вид штучки. Куда делись хозяева всего этого богатства, оставалось совершенно непонятным. Или они все здесь разоружились, а потом вышли на поляну и поубивали друг друга взглядами? В крышку единственного оставшегося на ногах стола был воткнут красивый меч. Его лезвие отливало голубым, а на рукояти и гарде сплетались золотые узоры. Моя рука сама, словно обладая отдельной волей, потянулась к мечу.

— Ишь какой! — присвистнул Юрка за моей спиной. — Как в легенде про короля Артура...

— Ага! — мне было трудно говорить, как будто в горло залезла толстая черная мышь и теперь там шевелится. — А Артур — кто? Я или ты?

— Я почему-то думаю, что ты, — сказал Юрка.

— Пошли отсюда! — сказал я. — Здесь никого нет.

— Ты его не возьмешь?! И вообще ничего?

— Нет!

— Но почему?!

Теперь я уже ни в чем не сомневался и ничего не хотел. Разве что сунуть два пальца в глотку и выгнать наружу копошащуюся там мышь.

— Где-то тут должны быть седла, — сказал я. — Ты умеешь седлать коней?

Лошади неторопливым шагом шли по обочине шоссе. Юрка владел ситуацией идеально, а моя кобыла все время норовила остановиться и поесть придорожные кусты иван-чая. Я хотел направить ее поближе к середине дороги, но Юрка объяснил, что на асфальте подковы быстро сбиваются и лошадь может захромать.

— Почему ты не взял меч? Или пистолет? Или еще что-нибудь? — настойчиво спросил Юрка.

— Потому, что я сто раз об этом читал.

— Читал?! — удивился Юрка. — При чем тут — читал?

У Юрки за поясом пистолет, за голенищем высоких ортопедических ботинок — кинжал. Интересно, умеет ли он стрелять? Очень смешно, если забыть о людях-холмиках. До чего же хорошо, что с нами не было Пашки. И других. Если уж Юрка, образец миролюбия, вооружился...

Но я ничего не мог ему объяснить.

— Помнишь: если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить...

— Не помню! Ерунда! У нас сейчас многие люди имеют оружие, но не все же из него людей убивают. У моего папы тоже газовый пистолет есть.

Несмотря на седло, я по-прежнему сползл на правый бок. И медленно зевал. День был в самом разгаре, но мне почему-то очень хотелось спать. Я подумал, что это, наверное, такая защитная реакция: мозги отключаются, чтобы не перегреться.

Мы наткнулись на них к вечеру. Совершенно случайно. И если бы не Юрка, я бы прошел мимо. Он все-таки здесь старожил и лучше ориентируется. Хотя о таком он меня не предупреждал. А мне бы такое и в

голову не пришло. Ведь мы с Юркой всегда оставались такими же, как были. Потом уже вспомнил его давние и показавшиеся мне загадочными слова: «Меня-то ты точно узнаешь...»

У Пашки были невероятно мохнатые ресницы и маленькая аккуратная челочка. Тень от ресниц ложилась на круглые щеки. Пашка сидел в саду за столом и ел бублик с маком. На столе перед ним стояла кружка с горячим молоком и блюдечко с малиной. Лет Пашке было приблизительно пять, ну, может быть, пять с половиной.

Витья находилась тут же. Она сидела в плетеном гамаке и раскачивалась, отталкиваясь от земли ногой в лакированной туфельке. Рядом, под яблоней, стояла коляска, занавешенная от мух кружевной салфеткой. В коляске, должно быть, спала Милка.

Мы с Юрай притаились в кустах акации и почему-то избегали глядеть друг на друга.

Высокая полная женщина, похожая на сдобную булку, спустилась с крыльца, слегка переваливаясь сбоку на бок, подошла к столу. Ласково взъерошила Пашкину челочку.

— Ну что, Пашенька, — певуче спросила она. — Подлить еще молочка?

— Не хочу-у молочка! Хочу моложеного! — капризным басом отвечал Пашка.

— Завтра с утра купим. Обязательно. Самое большое мороженое для моего Пашеньки. А сейчас молочка попей. Ну давай, поросеночек мой розовый, давай... За папу, за маму... Викочка, а ты малинки-то поела? Бубличка не хочешь еще?

— Поела, спасибо, — откликнулась Витья и разгладила оборки на розовом платье. — А Милу не пора еще кормить? Я могу сама...

— Да что ты, Викочка, детонька! — умилилась женщина. — Я сама ее покормлю, как проснется. А ты пойди с девочками в саду поиграй или вон мультики по телевизору посмотри...

— Может, я посуду помою?

— Ах ты, моя умница! — женщина отошла от нахмутившегося Пашки и обняла поднявшуюся ей навстречу девочку. — Как же мне с тобой повезло! Ни у кого такой дочки нет! Чтоб и умница, и красавица, и по дому помощница...

— Какая ж я красавица? — удивленно спросила Витья. — Я ж урод...

— Да что ты говоришь такое! — женщина возмущенно всплеснула руками. — Как у тебя язык-то повернулся! Красавица ты моя! Фигурка тоненькая, глазки зеленые, ясные, волосики пушистые...

Витька, опустив голову, ковырялась в песке носком туфли.

— Пойдем! — я потянул Юрку за рукав. — Пошли отсюда!

Юрка пожал плечами, но сопротивляться не стал. Уже потом, на пыльной проселочной дороге, спросил: «Почему?» Я не сумел объяснить словами. Но без слов знал точно. Смотреть на Пашку и Витьку было... неудобно, что ли? Все равно как подглядывать за тем, как женщины раздеваются, или еще что-то в этом роде. В общем — не нужно этого, и все! Так я Юрке и сказал. Он кивнул и больше ничего не спрашивал. Что выбрал для себя Мишаня, мы с Юркой так и не узнали. Да я, если честно, уже и не хотел знать. Достаточно мне было всего.

Ни Димуры, ни Табаки за гаражами не было. И вообще никого не было, кроме нас с Юркой. Он поднял свои кости и сказал:

— Эксперимент не удался.

— Эксперименты на людях запрещены, — ответил я.

— Теоретически — да, возразил Юрка. — А практически — ого-го!

— А мне плевать! — сказал я и пошел домой.

Вечером мне позвонил Юра. (Откуда только телефон узнал? Я ему не давал, а он не спрашивал.) Сказал, что Пашка дома и ничего не помнит.

— Злится? — спросил я.

— Нет, Юрка рассмеялся в телефонную трубку. — Он думает, что это какой-то наркотик. Ему понравилось, говорит, что здорово тащился, хотя и не запомнил ничего.

— Еще бы! — сказал я и вспомнил Пашкины ресницы. Почему я раньше их не замечал?

Глава 16

На следующий день в школе Мишаня посматривал на меня как-то странно, но ничего не спросил и не сказал. Я тоже не напрашивался. Витька подошла и тихо сказала:

— Я не знаю, что это и как. Но все равно — спасибо. А Митьку туда — можно?

Я сразу понял, что она все помнит. Как и я сам. На секунду мне очень захотелось рассказать Витьке про меч и черные холмики у кабачка «Три ковбоя». Я удержался, конечно. Витьке своих проблем хватает.

— Понимаешь, Витька, все очень сложно... — сказал я.

— Понимаю, — кивнула Витька и отошла.

А рядом со мной возник Митька. Он явно хотел что-то сказать или сделать, но, как обычно, не находил слов. Я попробовал ему помочь:

— Хочешь набить мне морду?

Митька отрицательно помотал головой.

— Хочешь узнать, о чем мы с Витькой разговаривали?

Митька неуверенно кивнул.

— Прости, я не могу тебе сказать. Витька сама расскажет, если захочет. Но ничего плохого я ей не сделаю. Не бойся. Да и не получится. Витька сильнее нас обоих. Не физически сильнее, а по-другому. Понимаешь?

— Я не боюсь, — наконец выговорил Митька. — Она рассказала мне. А потом — смеялась. Я не знаю, как ты... Я — могу?

— Что можешь, Митька? Попасть туда?

— Нет, — Митька снова отчаянно замотал кудлатой головой. — Для нее — это? Ты знаешь, Витька не смеется. Никогда. А тут... Я хочу для нее... Я тебе — все...

— Я понял, Митька, — серьезно кивнул я. — Ты готов отдать что угодно, лишь бы еще раз услышать Витькин смех. Потому что Витька никогда не смеется. Но я не знаю...

Митька смотрел на меня глазами умоляющей собаки. Мне хотелось провалиться сквозь землю или хотя бы — завыть.

Чтобы этого не делать, я стал вспоминать — и действительно — не вспомнил ни одного раза, чтобы Витька смеялась. Иногда она улыбается. Кривовато и редко. Раньше я на это не обращал внимания, и только теперь, когда Митька сказал... Впрочем, это как раз понятно, потому что для меня

Витька — просто девчонка, одноклассница, а для Митьки... для Митьки — вся жизнь. И на какую-то короткую секунду я вдруг позавидовал несчастному дебилу Митьке. Ему хоть понятно, для чего жить и что делать...

Дни ползли, как троллейбусы по широкому проспекту во время осеннего дождя — одинокие, мокрые, расплывчатые.

Юрка прилежно учился и помогал Пашке. У Пашки стали лучше оценки, а в глазах немного рассеялась муть. Однажды на перемене я видел у него в руках книжку. Все учителя говорили, что у Пашки прогресс и хвалили Юру. Юра смеялся, кланялся и, как конферансье в сторону артиста, вытягивал руку в направлении Пашки. Пашка надувался от гордости, хрустел и переливался разными красками, как пакетик из-под чипсов.

Иногда на переменах к Юре приходил со своего этажа маленький «ашка» Вадик. О чем-то они с ним шептались, чем-то обменивались, катались на коляске и вообще — дружили. Вадиковой учительнице эта дружба явно не нравилась, поэтому она норовила Вадика выследить, изловить и утянуть обратно, к своим. Мне казалось, что сама она против Юры ничего не имеет, но опасается неодобрения спонсора — Вадикова отца.

Милкина мать так и не вернулась. Девчонки старались помочь Витьке, говорят, даже Стеша однажды сидела с Милкой и делала все правильно и хорошо. Но ночью все равно надо было ее укачивать и поить. Витька ночью утешала Милку, днем училась — и стала похожа на тень. Митька нервничал и все чаще где-то раздобывал выпивку. Один раз Пантелею его избил, чтоб прекратил, но это не помогло. Потом Витька сказала Пантелею, чтоб Митьку не трогал, и он подчинился.

Мать взяла еще один офис для уборки и купила мне на развале теплую куртку. Куртка оказалась больше на два размера, и я внутри нее мог разворачиваться, убирать руки и по-всякому шевелиться, но мать этому только радовалась — на дольше хватит. Маринка сказала, что я в этой куртке, как в тумбочке. Я неожиданно разозлился, сам не понимая, почему. Какое мне дело до того, что думает Маринка по поводу моей одежды?!

Однажды на улице ко мне подошел Шакал Табаки. Я остановился и смотрел на него, а он — на меня. Сначала я подумал, что он хочет драться, а Дима Димура и остальные где-то рядом (одному Табаки меня не одолеть никогда), и обрадовался, что Юры рядом нету. Потом понял, что Табаки один. Он молчал минуты три, потом повернулся и пошел прочь. Он шел медленно и загребал ногами снежную кашу. Я хотел его окликнуть, но передумал, потому что не знал, что ему сказать.

Таракана выписали из больницы, и он как с цепи сорвался. И был-то не особенно психически уравновешенный, а теперь... Все учителя от него просто стонали и начинали урок обычно с того, что выгоняли Таракана из класса (хотя это, кажется, запрещено, потому что если с Тараканом во время урока что-то случится, то учитель за это по закону отвечает). Таракан из школы не уходил, слонялся по этажам, курил в туалетах. Рано или поздно его находил кто-нибудь из учителей или служащих и возвращал на урок. Отдохнув пять минут, он снова начинал борзеть. Я попытался поговорить с ним, но у него глаза сделались белые, и он полез на меня с кулаками. Драться с ним я не стал, но спустя пару дней спросил у Пантелея, не возьмет ли он Таракана в свой «бизнес», ведь голова-то у Таракана варит очень хорошо (для нашего класса, конечно), а в школе ему явно делать нечего, по крайней мере сейчас.

— Мне психи не нужны! — коротко ответил Пантелея.

Географ Сергей Анатольевич продолжал «бороться» за наш класс, и, поскольку все «обнажения» уже засыпало снегом, устроил-таки нам экскурсию в музей почвоведения имени Докучаева. На экскурсию явились пять человек: Маринка (она влюблена в географа), Ленка со Стешей (он очень просил их прийти, а Ленка не умеет людям отказывать), Игорь Овсянников (ему просто нечего было делать) и я (мне тоже нравился географ, но не так, как Маринке, конечно). Юрка хотел поехать с нами, но на метро туда не добраться, а в троллейбус в часы пик ни с коляской, ни с костылями не влезть. Впрочем, экскурсия была очень скучная, хотя Сергей Анатольевич очень волновался и старался рассказывать интересно. Чтобы его подбодрить, я изображал интерес и задавал вопросы по теме. В конце Ленка с Маринкой подучили Стешу, и она поклонилась и сказала своим удивительным голосом:

— Благодарим вас за доставленное удовольствие!

Географ покраснел и смешался. Сказал:

— Ты шутишь, Стефания! (как будто Стеша умеет шутить!)

Но мне показалось, что Стеше и правда понравилось. Она любит слушать, когда кто-нибудь плавно говорит «об умном». А уж что она сама при этом думает и понимает, это никому неизвестно.

Глава 17

Спустя еще пару недель Юрка пришел в школу на костылях, страшно возбужденный, и еще перед уроком пытался отвести меня в сторону и о чем-то заговорить. Я делал вид, что его не понимаю, и быстро решал на подоконнике домашние задачи по геометрии. Рядом со мной стояли Ленка, Игорь и Ванька и прилежно переписывали и перерисовывали в свои тетради все, что я изображал. Весь урок Юрка сверлил взглядом мой затылок. Иногда мне казалось, что у меня даже волосы колышутся. Ванька получил за мои задачи жирную тройку и был очень доволен, так как теперь его, скорее всего, аттестуют по геометрии в триместре. Я тоже за него порадовался. На перемене я хотел сбежать, но Юра со своими костылями попросту перегородил мне проход.

Оттеснив меня в угол, Юра бросил на пол ранец и прошипел:

— Я Мишаню видел!!!

— Я тоже, — примирительно сказал я. — Много раз. И сейчас увижу, если ты немного подвинешься.

— Ты ни черта не понимаешь! — Юра всплеснул руками и чуть не упал. Я шагнул вперед, чтобы его поддержать, но он отмахнулся от меня и судорожно вцепился в свои кости. — Я видел его там!

— Ага! — я сориентировался на удивление быстро. — То есть он научился попадать в твой параллельный мир без тебя?

— Точно! — Юру прямо-таки тряслось от какого-то непонятного мне чувства.

— И что же он там делает? Он тебя видел? Узнал?

— Он играл в футбол, — честно начал вспоминать Юра. — Потом купался в пруду. Потом ел мороженое. Потом лежал на берегу и караулил таких маленьких птичек...

— Ладно, ладно, — оборвал я Юрку. — Вы разговаривали?

— Нет, я... Я отчего-то не решился к нему подойти. Я подумал: вдруг ему будет неприятно? Как ты считаешь...

— Я считаю, что все нормально, — твердо сказал я. — Ты не ходишь, Мишаня не видит, не слышит. Вы оба там оттягиваетесь. Все нормально. Ничего плохого. В следующий раз вполне можете пообщаться.

— А ты? — тихо спросил Юра.

— Я — нет! — я старался придать своему голосу увесистую железобетонность. — Ты помнишь, какой там кавардак вокруг меня

начинается? Я, знаешь ли, вовсе не уверен, что они там, на полянке, все понорошку умерли. Кому это надо?!

— Но почему, Антон, почему?! — воскликнул Юра. Глаза его, как всегда, когда он нервничал, засветились голубыми фонариками.

— Откуда я знаю? — я пожал плечами как мог безразличнее. В самом деле, что мне какие-то там параллельные миры, горы трупов, заколдованные принцессы и мечи короля Артура! У меня и здесь интересных дел невпроворот... Обмануть таким образом можно было бы разве что Милку...

— Зачем ты врешь, Антон? — с горечью спросил Юра.

— Отвяжись, пожалуйста! — я сдерживался из последних сил. — Я, честно, ничего против тебя не имею, но... Отправляйся в свой край вечной весны, лопай там свою землянику, а меня оставь в покое!

— Антон, так нельзя! Ты не можешь... — закричал Юра.

Проходящие мимо старшеклассницы удивленно оглянулись на нас и прямо-таки впились взглядами в Юрины костили.

Я хотел было ответить, но понял, что не успеваю. Бросив портфель к ногам Юры, я ссыпался вниз по лестнице и, едва не сбив с ног охранника, вылетел на улицу. Морозный серый декабрьский воздух показался мне вкусным, как кока-кола.

Столовая в нашей школе огромная и холодная, как утонувший Титаник. В ней две общих раздачи и два буфета — для школьников и для педагогов. И, наверное, пятьдесят или даже сто столиков. На столиках лежат клетчатые пластиковые салфеточки и стоят сухие букеты в стаканчиках, которые изготовили малыши-«ашки» на уроках эстетики и дизайна. Где-то высоко-высоко над головой висят и гудят голубые лампы дневного света.

Я сидел за столиком и ел пирожок с компотом. Прямо передо мной на стене красовалась картина, на которой мальчик и девочка со странными улыбками запускают куда-то вдаль огромную модель самолета. Даль была написана голубой краской и почему-то состояла из дымящих труб.

— Можно? — рядом со мной остановилась Маринка, поставила на стол свекольный салат с котлетой и тарелочку с полоской и чаем.

— Садись, — сказал я. — Места не купленные.

Маринка молча села на стул и насупилась. Потом начала ковырять что-то на лбу.

— Оставь прыщи в покое, — посоветовал я. — Ешь свою свеклу. От нее цвет лица улучшается.

— Дурак ты, Антонов, — сказала Маринка. — Дурак и уши холодные.

— Возможно, — согласился я и на всякий случай потрогал ухо. Ухо и вправду было ледяным.

— Вон, смотри, сзади сидят Клавдия с географом. И говорят, конечно, о нас, — у Маринки был поразительно острый слух.

Стоя у доски, она легко разбирала подсказки с последней парты. Я прислушался, но ничего, кроме «бу-бу-бу» на два голоса, не услышал. Осторожно оглянулся. Клавдия Николаевна ела такой же салат, как у Маринки. Географ хлебал щи. В этот момент в двери с шумом вбежали мальчики, «ашки» или «бэшки» (для них накрывали завтраки на отдельных, сдвинутых по четыре, столах, а родители отдельно платили за дополнительное питание), и я вообще перестал что-либо слышать.

— ...Слышал, что Виталика Тараканова собираются исключить. Куда же он пойдет? Говорил и с директором, и с завучем по внеклассной работе. Мне кажется, что они просто подсмеиваются надо мной...

— Вам, безусловно, кажется. Иногда ирония бывает просто защитной реакцией. Тараканов, скорее всего, действительно окажется на улице, потом в криминале. Тогда им займется милиция. Но мы должны, обязаны охранить от него тех ребят, которые могут и хоть сколько-то хотят учиться. Когда ничего другого сделать нельзя...

— Но почему же нельзя?! Клавдия Николаевна! Это же ваш класс, ваши дети, вы знаете их лучше других. Неужели в двенадцать, в тринадцать, пусть даже в четырнадцать лет — все безнадежно? Я не верю!

— И правильно делаете. Как только поверите окончательно, не сможете работать в школе. Кстати, я давно хотела спросить: что вас вообще сюда привело?

— Куда? В школу? Мой отец — геолог-полевик. Я окончил педагогический институт, я... хочу учить детей, открывать для них чудесную планету, на которой мы все вместе живем... Черт! Когда я произношу это вслух, мне кажется, что я говорю чепуху...

— Господи, Сергей Анатольевич! Мне уже страшно подумать, сколько мне лет! У меня двадцать семь лет педагогического стажа! Я вроде бы уже все видела, и вот гадаю: что еще должно произойти в нашей стране, чтобы у нас наконец перевелись идеалисты? Почему вы не пошли по стопам отца? Ну, это — «под крылом самолета о чем-то поет...», «милая моя, солнышко лесное...» — и все такое... Школа пройдется по вам, как асфальтовый каток, и... И вы уже не сможете пользоваться розовыми очками...

— Геологоразведка в нашей стране почти умерла. К тому же мне нравится общаться с людьми, а не только с камнями. Я люблю детей... Ну вот, опять! Клавдия Николаевна! Почему обычные, хорошие слова часто

звучат... как-то нелепо...

— Не берите в голову, как говорят современные дети. Оставайтесь таким, какой вы есть, пока хватит сил и желания.

— И все-таки... эти дети... Администрация школы ведет себя так, как будто бы их уже списали со счетов... как брак или я не знаю, что... Но ведь они же остаются детьми! Живыми, чувствующими!

— Послушайте меня внимательно, Сергей Анатольевич! — Клавдия Николаевна напустила на себя серьезный, даже суровый вид. — Администрация делает все от нее зависящее, чтобы этим детям помочь, хотя зачастую им помочь просто невозможно. Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами. Какое, по вашему, место уготовано в этом мире Ване Горохову, Паше Зорину, Игорю Овсянникову, Виталию Тараканову?.. Я уж не говорю про особые случаи — Миша Штекман, Юра Мальков, Стеша Пархоменко... Не перебивайте меня! Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближенных к боевым (да вы и сами это знаете), мы научили их читать, писать и считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу! А если говорить конкретно про седьмой «Е» класс, то мы вместе с директором под свою ответственность второй год держим и обучаем там ребенка, который вообще не числится ни в каких документах! Если эта ситуация вскроется, неприятностей у всех будет море...

— О чем, о ком вы говорите, Клавдия Николаевна?!

— О Виктории Слуцкой.

— Я думал, что она сестра Мити. Они всегда держатся вместе и, кажется, вместе живут... Но...

— Если бы! Я даже не уверена, что Виктория — это ее настоящее имя. Слуцкий, как вы понимаете, фамилия Мити. Она появилась из ниоткуда полтора года назад и сталаходить на уроки. Никто точно не знает, сколько ей лет. Судя по всему, до появления у нас она едва закончила два-три класса...

— Но как же... А ее семья?.. Кто-то, наверное, ее ищет...

— У Виктории (если, конечно, она действительно Виктория) нет семьи, и ее никто не ищет. Мы проверяли. До знакомства с Митей она вроде бы два года ездила по стране с дальнобойщиками. Где и с кем жила до этого — не говорит. Мы просили ее не приходить, пытались не пускать в школу, узнать что-то через комиссию по делам несовершеннолетних, но Виктория и Митя исчезали оба, а спустя какое-то время опять появлялись на уроках. Собрали специальный полуподпольный педсовет: что делать? Все педагоги подтвердили: Виктория ведет себя на уроках очень хорошо,

действительно хочет учиться, положительно влияет на Митю. Решили: пусть будет, как есть. Хотели отправить ее в четвертый класс, но она упорно ходила вместе с Митеей в шестой. Сейчас она почти догнала класс, по успеваемости ее вполне можно переводить дальше, но никто не знает, как быть с документами. А по Мите плачет спецшкола, потому что с нормальной программой, даже в классе коррекции, он не справляется... Но все знают, что он туда ни при каких обстоятельствах не пойдет, а Виктория в этом случае просто перестанет учиться и снова выйдет на панель. Вам все еще кажется, что все так просто?

— Но почему?!

— Школа — всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения «на классы» всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые...

Учительницы «ашек» и «бэшек» собрали своих накормленных подопечных в два тихо гудящих роя и повели к выходу из столовой. К покинутым столикам тут же осторожно приблизились несколько малышей из «Д» и «Е» классов.

Я отвернулся, но тут же услышал громкий вопрос географа:

— Что они делают?

Наша классная отвечала тихо. Малыши так же тихо доедали «ашный» салат и прятали по карманам почти нетронутые булочки и пирожные.

Младшеклассникам из малообеспеченных семей в нашей школе дают талоны на бесплатные завтраки. Мне, в первом и во втором классе, тоже давали. В третьем я почему-то от этих талонов отказался. Сейчас уже не помню, почему. Наверное, завтраки были совсем невкусными, или дразнил кто-то. Большим бесплатных талонов не дают. Видимо, считается, что, подрастая, детеныши сами могут добыть себе еду. По закону джунглей.

И, конечно, эти бесплатные завтраки ни в какое сравнение не идут с теми, которыми кормят по спецзаказу родителей-спонсоров гимназические классы.

Не знаю, как уж там Клавдия все эти тонкости объясняла географу. Да и неинтересно совсем.

— Антон! — географ стоял, заложив руки в карманы и слегка наклонив голову.

Его коричневые глаза умно поблескивали, и он явно настроился на разговор. Меня замутило, как бывает, когда уже начал что-то есть и вдруг понял, что оно несвежее.

— Антон, ты знаешь, как появилась в вашем классе Виктория?

— Витька? Знаю. Она познакомилась с Митькой, когда сбежала от

своего шофера, и они вместе собирали хабарики для бомжей.

— Хабарики?

— Ну да, окурки. Бомжи вытрясают из них табак и набивают новые папиросы. Или так докуривают. Стакан окурков стоил тогда три рубля. Сейчас — не знаю, может, подорожало. Витька с Митькой так зарабатывали и познакомились. Потом... ну, понравились друг другу. Витьке жить было негде, и Митька позвал ее к себе.

— А родители Мити?!

— Из родителей там только тетя Нина, а она... Ну, в общем, ей все равно. Их там и так то ли пятеро, то ли шестеро детей, Витьку и не заметил никто. К тому же она кашу варить умеет и прибирается иногда.

— А что значит «сбежала от шо夫ера»?

— До Митьки она с дальнобойщиками ездила. Шофер один... она говорит, он ее полюбил... ну, как дочку, понимаете? Книжки ей детские читал, кукол покупал и... страдал очень, что так... сами понимаете, домой-то он ее никак не мог привести... У него ж семья. Витьке его жалко стало, она и сбежала, чтоб он не мучился...

— А как же... А как же это все получилось?!

— Вначале-то? Да это я толком и не знаю. Витька не очень-то всем рассказывает, а у Митьки, сами знаете, не спросишь. Вроде бы родители ее потерялись где-то давно, то ли спились, то ли в тюрьме. Она жила со старшей сестрой, училась, а потом сестра вышла замуж, родила ребенка и что-то у них там... В общем, она сказала Витьке: уходи. Витька и ушла. У них там рядом трасса была...

— Какой ужас! Нет, какой ужас! — Сергей Анатольевич переступил с ноги на ногу, наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону и любопытно блеснул глазами. Меня замутило сильнее.

— Это все, что вы хотели узнать? — вежливо спросил я.

Географ растерянно кивнул.

Глава 18

На асфальтовой площадке перед гимназией стоял большой красный автобус. Высоко в окнах виднелись мягкие пустые кресла в белых чехлах. Над асфальтом и пустым футбольным полем мела поземка. За колесом автобуса пряталась от школьников тощая полосатая кошка. Автобус уютно пах теплом и бензином. У его дверей галдела небольшая кучка малышей-гимназистов во главе с учительницей. Несколько сопровождающих родителей стояли поодаль. Мы с Пашкой и Ванькой остановились возле выхода из гимназии и ждали, пока Юра как следует вденется в свои костыли, чтобы идти домой. И что бы нам выйти минут на десять пораньше или попозже?

Именно в этот момент к Юре подбежал его дружок, «ашка» Вадик.

— А мы в Эрмитаж едем! На экскурсию! И по городу! — подпрыгивая на месте, сообщил он. — Вон автобус стоит!

— Здорово! — завистливо вздохнул Юрка. — Везет вам! Я бы тоже хотел на экскурсию на автобусе поехать. Я в Эрмитаже всего один раз был, маленький, и ничего не помню. Сам понимаешь, мне с моими костылями...

— Коляску взять, и никаких делов, — пробурчал Пашка. — Свободно. О чем разговор. В метро. А там — с ветерком.

— Да, пожалуй... — вздохнул Юра.

Вадик жевал палец от кожаной перчатки и о чем-то сосредоточенно думал. Потом еще раз подпрыгнул и закричал:

— Юра! Я придумал! Ты поедешь сейчас, с нами. У нас в автобусе пустых мест полно! Гая Борзова и Стасик Никитин собирались ехать, но заболели. И еще сегодня у Саши Голисаевой живот заболел. Поехали с нами, Юра! Так здорово! Я сейчас у Марины Николаевны спрошу! — он сорвался с места и побежал к автобусу, крича на бегу. — Марина Николаевна! Марина Николаевна! Можно вместо Саши мой друг Юра поедет? Он сам не может, а у нас — автобус! Ведь можно, да? Юра, иди сюда!.. Марина Николаевна, вы подождите! Он ходит, только медленно, потому что на костылях...

Марина Николаевна растерянно переводила взгляд с подпрыгивающего Вадика на Юру, с Юры на Пашку, с Пашки на малышей, с малышей на родителей. Лицо ее медленно заливалось краской. Прежде чем я успел его остановить, Юрка решительно заковылял к автобусу. Видно было, что ему действительно хочется поехать на эту чертову экскурсию.

— Здравствуйте, Марина Николаевна! — вежливо поздоровался Юрка. — Вадик говорит, что у вас есть пустые места, потому что кто-то не смог поехать. Это правда?

— Чего я, вру, что ли?! — насупился Вадик.

— Э-э... Мнэ-э... — промямлила Марина Николаевна.

— Простите? — Юрка вместе с костылями изобразил светский поклон. Одна из мамаш прикрыла рот рукой в замшевой перчатке. Другая с ужасом смотрела на медленно приближающегося Пашку.

— Прости, мальчик, — Марина Николаевна наконец пришла в себя. — Тебя Юрой зовут, да? Понимаешь, Юра, Вадик, он маленький, он все не так понял. Эта экскурсия, она ведь платная, понимаешь? Родители сдавали деньги...

— Понимаю, конечно, — кивнул Юра. — А сколько стоит эта экскурсия?

— Семьдесят рублей, — влез Вадик, который уже перестал прыгать и улыбаться и становился серьезнее с каждой секундой.

— У меня только пятьдесят, — сказал Юра и обернулся к нам с Пашкой. — Антон, у тебя есть деньги?

Я вытащил из кармана пятнадцать рублей, все, что у меня было, и молча протянул их Юре. Мне очень хотелось уйти и не видеть того, что будет дальше. Но уйти я почему-то не мог.

— Пяти рублей не хватает, — Юра изобразил самую обаятельную из своих улыбок. — Но вы ведь, Марина Николаевна, поверите мне в долг? Я обязательно верну.

«Ашка» Вадик приподнял куртку и вынул из кармана школьного пиджачка несколько скомканных десятирублевок и горсть мелочи.

— Вот, теперь точно хватит! — гордо сказал он.

— Но это невозможно! — вскрикнула Марина Николаевна.

— Почему? — в три голоса спросили Юрка, Вадик и Пашка. Я, естественно, промолчал.

— Экскурсия рассчитана на семи-восьмилетних детей...

— А у меня задержка в развитии, — усмехнулся Юрка. Кажется, он тоже наконец все понял.

Но Вадик сдаваться не собирался.

— Пусть он поедет, Мария Николаевна! — крикнул он. — Это нечестно! У нас пустые места! И деньги он заплатил! Пусть он поедет!

— Вадик! — одна из мамаш решила вмешаться, подошла ближе и мягко обняла малыша за плечи. — Успокойся! Папе не понравилось бы твое поведение. Пойдем в автобус. Юра посетит Эрмитаж в другой раз, со

своим классом, со своими друзьями...

— Я — Юрин друг! — ловко уворачиваясь от объятий, возразил Вадик.

— Простите, но наш класс не взят на экскурсии, — зачем-то сказал я. И чего я вечно лезу, куда меня не просят?!

— И правильно делают! — нервически огрызнулась другая мамаша, опасливо глядя на нас. — Дети, в автобус! Скорее!

— Да пошли вы все знаете куда! — громко сказал Пашка, до которого тоже что-то дошло. — Идем, Юрка. Сейчас возьмем дома коляску и поедем в этот долганный... как его... Эрмитаж — вот!

— Юра! — крикнул Вадик, в голосе которого уже звенели близкие слезы. — Я тоже с вами поеду. Я не хочу с ними! Я буду твою коляску катить! — и прежде, чем учительница успела его удержать, он быстро перебежал к нам и остановился между Пашкой и Юрай.

Немая сцена.

— Зина! Гарик! — позвал Вадик несколько секунд спустя, видимо, своих друзей. Сам он выглядел принявшим решение и уже совершенно успокоившимся. — Пошли с нами! Так интереснее! Вы на метро сами ездили?

Толстый, неуклюжий Гарик и тоненькая, бледная Зина переглянулись, взялись за руки и в наступившей тишине пересекли нейтральную полосу. Учительница качнулась вперед.

— Безобразие! — высказалась нервная мамаша.

— Вадик! Я тоже с вами! — выкрикнул совсем маленький «ашка» с хулиганским, обезьянямым лицом, вырвался из рук собственной родительницы, весело подпрыгивая, побежал ко мне и цепко ухватился за полу моей огромной куртки. — Я с тобой буду, ладно? — лукаво глядя на меня снизу вверх, попросил он.

— Даниил! Немедленно вернись! — заголосила лишившаяся ребенка мамаша.

— Чего это у вас тут происходит, а? — сзади, незаметно для нас, подошли Маринка, Ванька и Митька с Витькой.

— Ты его чего, усыновить решил? — спросила Маринка, оглядывая вцепившегося в меня малыша.

— Нет, мы тут на экскурсию в Эрмитаж собираемся, — разъяснил ситуацию Юра. — Прямо сейчас. Кто с нами?

— Мы не можем, — сразу же отказалась Витька.

— А я, пожалуй, пойду, — пожала плечами Маринка. — Все равно делать нечего.

Родители о чем-то оживленно совещались с учительницей. Еще один малыш под шумок перебежал к нам и спрятался за объемного Гарика в надежде, что его не заметят.

Марина Николаевна приблизилась нерешительно, как через линию фронта.

— Юра! И вы, ребята! Вы же понимаете, мы вовсе не хотим кого-нибудь из вас обидеть. Но есть правила... Я лично совершенно не против... Но родители детей...

— Я без Юры никуда не поеду! — решительно пискнул Вадик из под Юриной руки.

— Ладно! — решилась Марина Николаевна. — Пусть Юра едет. Под мою ответственность. Хотя... мне это может... Но вы же не понимаете... Но пусть остальные сразу же... Разойдитесь! Я понятно выражаясь?!

— Абсолютно понятно! — я нагнулся голову и по возможности щелкнул разбитыми кроссовками. — Седьмой «Е» — р-разойдись! Гимназисты — в автобус! Пашка, загружай Юрку!

Вадик восторженно взвигнул и снова запрыгал, как расковавшаяся блоха.

Учительница вздохнула и неуверенно улыбнулась мне. Мамаши за ее спиной что-то глухо бормотали.

Глава 19

После Нового года стало так холодно, что весь мир вокруг замерз и тихо потрескивал. В школе у нас, разумеется, топили, но огромные коридоры, залы и лестницы никак не нагревались. За урок большому классу из тридцати человек удавалось «надышать» тепло, но за перемену все снова выхолаживалось. Наш класс коррекции и был-то маленький, да еще грипп, так что мы все время мерзли.

Однажды, после урока русского, я проходил мимо Юриной парты, и он потянул меня за рукав свитера. Я остановился. Юрка смотрел на меня снизу вверх, а Пашка с другой стороны парты наоборот — сверху вниз, и взгляд его не обещал ничего хорошего.

— Хочешь погреться? — почти заискивая, спросил Юра.

Я сразу понял, о чем он, и зло рассмеялся.

— Думаешь, землянику снова поспела? — спросил я. — Так у меня на нее аллергия. Или скучно без приключений?

— Чего это? — спросил Пашка, внимательно прислушивающийся к моим словам.

— Не злись, Антон, — сказал Юрка. — Я вправду не понимаю.

— Я думал, — честно сказал я. В конце концов, Юрка ни в чем не виноват и ничего мне плохого не сделал. — Я решил так: это для тех, кто в наш мир не вписался, но и гадостей никаких особых не сделал. Что-то вроде передержки, ну, гостиницы такой для собак и кошек. Комфортабельная такая гостиница с земляникой и фонтаном. И нечего тут злиться. Понимаешь?

— А ты?

— Я с этой стороны. Мой меч — здесь. Поэтому, когда я оказываюсь там, начинаются... ну, возмущения всякие...

Юрка долго молчал. Пашка почему-то тоже. Я начал медленно, не поворачиваясь, пятиться назад. Когда до двери оставалась пара шагов, Юрка разомкнул слипшиеся губы и спросил:

— Ты уже нашел здесь свой меч, Антон? Здесь ты его взял?

Я знал, что когда-нибудь он задаст мне этот вопрос. Знал еще до того, как Юрка появился в нашем классе. Про костили, параллельный мир, землянику и черные холмики не догадывался, конечно, а вот про вопрос знал наверняка.

И ответа у меня на него не было.

Глава 20

В конце концов я тоже заболел гриппом и неделю лежал, отвернувшись носом к стене. Можно было читать или смотреть телевизор, но почему-то не хотелось, хотя и температура была не особенно большая. Мать заставляла меня трижды в день пить чай с малиной и медом. Меня от него с раннего детства тошнит, но каждый раз, когда я заболевлю, мать меня им поит. Потому что полезно. Может быть, я и болею так редко, потому что не выношу чай с малиной.

Маринка каждый день мне звонила и говорила по телефону, что задано. Однажды спросила: «Может, мне к тебе зайти?» Я представил, как лежу на кровати в футболке и тренировочных штанах, укрывшись до подбородка одеялом, а Маринка сидит посередине нашей заставленной мебелью комнаты, сложив руки на коленях. И мы с ней пытаемся о чем-то говорить...

— Спасибо, — сказал я. — Лучше не надо. Я, наверное, заразный. Вдруг я тебя заражу?

— Ну, как хочешь! — фыркнула Маринка. Кажется, она обиделась. Но что я-то мог поделать?

В тот же день ко мне зашел Мишаня. Моя мама его единственного из класса любит и всегда угождает чаем. Говорит, что остальные мои одноклассники — гопота, а Мишаня — приличный, потому что из еврейской семьи, и к тому же несчастный. Остальные, что ли, счастливые, думаю я, но с матерью уж давно не спорю. Хоть одного человека взглядом не сверлит, и то хорошо.

Мишаня принес мне тетради с конспектами по физике, биологии и географии, чтобы я их переписал. По коридору я провел Мишаню за руку, а в комнате он уже бывал, помнил, где что, и ни разу не споткнулся. У него вообще-то память почти феноменальная. Наверное, в качестве компенсации развилась. В младших классах он стихи на память читал, пока учительница не остановит. А мы просили: еще! еще! — чтобы нас не спрашивали.

Пока мы болтали, я пролистал его тетради, чтобы посмотреть, много ли писать. И, честно сказать, обомлел. На всех полях, да и между строками, быстрой Мишаниной рукой были нарисованы хорошо известные мне девичьи профили и анфасы. Все вместе напоминало знаменитые рукописи Пушкина. Александра Сергеевича.

— Мишаня, ты что?! — потрясенно спросил я. — Ты ж все про нее знаешь...

— Про кого? — удивился Мишаня, заметил у меня в руках тетради и медленно покраснел. — Знаешь, Антон, вообще-то это тебя не касается... но... вот про нее-то я как раз ничего не знаю. Но узнаю обязательно!

— Мишаня, — осторожно спросил я, уже понимая, что опять вляпался во что-то непонятное. — А как ее зовут?

— Не знаю, в том-то и дело, — вздохнул Мишаня.

— А ты с ней хоть разговаривал?

— Один раз, — признался несчастный влюбленный. — Но издалека. Я здесь, она — там, — Мишаня указал куда-то вверх.

— Та-ак, — сказал я только для того, чтобы что-то сказать.

— В общем, — заторопился Мишаня. — Ты до понедельника все перепиши и мне отдашь. Ладно? И... Антон, я знаю, что ты и так не болтаешь, но... Не показывай никому тетради, хорошо?

— Разумеется, — кивнул я. — Как ты мог подумать?

— Да нет, я ничего... — смешался Мишаня и быстро засобирался домой.

Я проводил его до двери, вернулся в комнату, сел на кровать и почувствовал, что у меня снова поднимается упавшая было температура. Я раскрыл первую попавшуюся тетрадь, чтобы убедиться. Вдруг мне померещилось?... Нет, не померещилось.

Многочисленные портреты в Мишаниных тетрадях были портретами Стеши.

Я внимательно просмотрел все тетради. Теперь, кроме сходства, увидел и отличия. Стеша на портретах была как бы взрослее и живее настоящей Стеши. И кое-где она была изображена во весь рост, в пышном бальном платье. Я, да и никто другой никогда не видел Стешу в бальном платье. Мишаня, естественно, тоже. Фантазия художника? Или это все-таки какая-то другая девушка? Но почему они так похожи?! Нет ли у Стеши сестры?

Когда я наконец вернулся в школу, то узнал, что Юра тоже заболел. Пашка сказал, что грипп дал у него какие-то осложнения. На сердце. Говоря, Пашка смотрел в пол и был вообще какой-то почерневший. В конце он взглянул-таки на меня и пробормотал:

— Ты бы зашел к нему. Поговорил. Со мной-то ему — что?

Я вздрогнул. Уж если Пашка, который всегда ревновал Юрку ко мне, как Отелло Дездемону, сам просит...

К Юрке я оправился в тот же день, после уроков.

Долго жал на кнопку звонка, потом уже решил, что Юрка спит или уехал к врачу, собрался уходить. Почти случайно потянул дверь и обнаружил, что она открыта. Вошел с опаской и сразу же услышал Юркин голос:

— Кто там? Паша? Почему звонишь?

— Это не Пашка, это я, Антонов! — сказал я, скинул шапку и башмаки и прошел в комнату. — А чего дверь не заперта?

— Я, понимаешь, открыть сейчас не могу, — виновато сказал Юрка. Он полусидел на кровати, обложенный подушками, и читал книгу. — Вот родители и оставляют дверь открытой, чтобы, если что, можно было сразу попасть.

— Если — что? — глупо спросил я и тут же поправился. — А воры?

— Да что у нас брать-то? — усмехнулся Юрка. — Хорошо, что ты пришел... Садись вот сюда, поближе. Хочешь, возьми себе чаю или кофе? Вот у меня здесь чайник, а там печенье есть...

— Не надо, — отказался я. — Я ж не за чаем пришел, тебя проводать. Может, наоборот, тебе что подать? Раз уж я здесь.

— Спасибо, — Юра грустно улыбнулся. — У меня тут все под рукой. Функционально. Это у нас давно отработано.

— А ты чего, совсем... ходить не можешь? — спросил я. С кем-нибудь другим удержался бы, но у Юрки, я знал, можно спросить прямо.

— Да нет, я-то, наверное, могу, — Юрка опять улыбнулся, на этот раз явно успокаивая меня. — Просто врачи запрещают. Из-за сердца. Вот и приходится лежать.

Мы еще поговорили про Юрино здоровье и эпидемию гриппа в целом. Потом про дела в нашем классе, про литературу и австралийских дикарей (Юрка как раз читал про них книжку). Мы говорили, как доценты или адвокаты — негромко и тщательно следя за каждым словом. Я жутко устал, вспотел и хотел уйти, но Юрке, я видел, было приятно. Поэтому я продолжал сидеть и даже выпил чашку черного кофе с печеньем.

Потом Юра предложил посмотреть фантастический видеофильм Стивена Спилберга. Я, естественно, согласился. У наших соседей есть видик, они и меня, и маму звали смотреть. Но дядя Володя покупает исключительно кровавые боевики, а тетя Вера любит слезливые индийские фильмы, а я все это совсем не люблю. Поэтому видик у соседей я смотрел всего раза три в жизни.

Когда мальчику-роботу на экране стало совсем нехорошо, я перевел глаза на Юрку и спросил:

— А ты в свой параллельный мир-то ходишь? Ну, чтоб побегать там...

Чего ж лежать все время?

Юра отрицательно покачал головой.

— Я, как и ты, думал. Я хочу попробовать здесь. Без передержки.

— Класс, — сказал я. — А с другой стороны, почему бы и нет? Ты же туда сам попал, без посредников.

— Там привыкаешь. Постепенно. Ты... и я с тобой этого не чувствовал. Вокруг тебя словно... словно сквозняк какой. А без тебя... Пока у меня все-таки есть здесь шанс...

— Слушай, а у тебя есть здесь шанс поправиться? — спросил я. — Ну, ходить, как все...

— Нет! — твердо сказал Юрка. — Все возможности коррекции исчерпаны, так врач в Москве сказал. Если не изобретут новых методов...

— Но, может, изобретут?

— Вот и я так думаю...

— Но если уж совсем круто будет, ты можешь...?

— Да, Антон, я так и сделаю. И... И мы потом можем с тобой встретиться... Там, на земляничной поляне. Там безопасно, ты знаешь...

Он как будто бы прощался со мной. Сейчас еще медальон какой-нибудь на память подарит... Я вскочил. С экрана грустно смотрели мальчик-робот и его плюшевый медведь.

— Какую-то пургу мы тут с тобой гоним! — крикнул я. — Возьми вот, запиши уроки и не парься! Подумаешь, грипп какой-то!

— Конечно, запишу, — сказал Юрка. — Не нервничай. Тебе от этого плохеет, я знаю. Открой мне лучше вот эту тетрадь и сам запиши. У тебя быстрее получится.

Глава 21

— Антон! Анто-он! Постой! Не уходи!

Я оглянулся. Сзади меня нагоняла Ленка. Вид у нее был растерянный и диковатый. Реветь она еще не ревела, но явно была к этому близка.

— Чего там еще стряслось?

— Стеша пропала!!!

— Как пропала?! — я почувствовал, что у меня как-то враз заледенели руки. При этом я только изобразил удивление. Для Ленки. На самом деле я почему-то совершенно не удивился. Как будто все время именно этого и ждал. — Когда пропала? Откуда?

— Я только на минуту отошла в туалет, накраситься, — Ленка остановилась рядом со мной и вцепилась мне в рукав. Только в рукав, до руки она сквозь куртку не доставала. Мне захотелось вылезти из этой дурацкой куртки, как из шкафа, оставить ее с Ленкой, а самому уйти. Подальше. Куда глаза глядят.

— Значит, это минут пятнадцать, — констатировал я. — Ты красилась, болтала с кем-то. А Стеша?

— Я ей велела ждать меня в раздевалке. Она обычно садится на скамейку и ждет. Я пришла, а ее — нет.

— Так, может, она просто устала сидеть и домой пошла? Она же ходит одна...

— Да нет, она всегда меня ждет, если я сказала. На сколько бы я ни задержалась. Ты же знаешь, она ждать не устает. Ей все равно... Но я уже бегала к ней домой! Ее там нет! И не было! Понимаешь?!

— Отец знает?

— Нет, он на работе. Там эта их... домработница, что ли. Она мне и сказала, что Стеша еще не пришла из школы. Страшно подумать, когда он узнает...

— Ни с кем другим из наших она уйти не могла?

— С кем, Антон? Маринка болеет, Витька — с Милкой сидит, мальчишкам Стеша на фиг не нужна, а больше она ни с кем не общается...

— Тех, кто в раздевалке был, опросила?

— Нет... Не сообразила как-то... Я сразу домой к ней побежала, а потом опять сюда. Теперь уж разошлись все...

— Ладно, пошли в школу. Няничка, небось, не ушла еще. Может, она что видела.

Через некоторое время всем стало ясно, что никто в школе ничего про Стешу не знает. Ни когда она ушла, ни с кем.

— Что же теперь делать? Это я во всем виновата... — сказала Ленка и заплакала.

— Брось! — жестко сказал я. — Не ты Стешку такой сделала. Надо не реветь, а думать, кому рассказать можно.

— В милицию? — робко подсказала Ленка.

— Мы не можем писать заявление, мы несовершеннолетние, — объяснил я. — К тому же слишком мало времени прошло. Они же не знают, что такое Стеша и почему она не могла просто так пойти... ну... прогуляться... — Ленка снова начала реветь, но я не обратил на это внимания. — Надо пойти к географу, — решил я. — Он, скорее всего, еще в школе.

— Почему? — Ленка вытаращила мокрые глаза.

— По кочану, — максимально вразумительно ответил я.

Сергей Анатольевич, как я и ожидал, завелся с пол-оборота и сразу побежал куда-то звонить. Пускай. Мы не успели предупредить его о Стешином отце — это плохо, конечно, но пусть сам разбирается. Взрослый человек, в конце концов.

Когда мы с Ленкой вышли из школы, раздумывая, что бы еще предпринять, к нам боком подошел Таракан. Молча стоял и смотрел на нас, хлопая своими длиннющими ресницами. В школу он уже давно не ходил, но все время ошивался где-то поблизости. За прошедшее время он еще больше похудел и как-то позеленел.

— Ну чего, Таракан? — не выдержал я.

— Вы Стешку ищете? — хрипло спросил Таракан.

— Да, да! — закричала Ленка и попыталась схватить Таракана хоть за что-нибудь. Таракан увернулся. — Ты ее видел? Где она?!

— Она с Димурой ушла. И этим... Табаки... Я хотел следом пойти, но она вроде добровольно...

— Чего ж не пошел-то? — спросил я. Таракан услышал в моем голосе упрек (даже не знаю, был ли он там на самом деле) и завопил так, что Ленка подпрыгнула на месте.

— А почему я должен?! Почему?! На меня всем плевать, вышвырнули, как собачонку паршивую — и все, а я должен, да?! Да за каким хреном мне эта долбанутая Стешка сдалась?! За нее-то небось папаша вступится, а если что — так за границу увезут, а до меня-то никому дела нету! Почему я вам должен?!

— Ты никому ничего не должен, Таракан, — сказал я, неизвестно

отчего чувствуя себя невероятно усталым. Точно целый день дрова рубил. — Спасибо, что сказал. Всего доброго.

Я взял Ленку за руку и повел ее к проспекту. Там, во дворе Универсама, находилось отделение милиции, в котором половина нашего класса и три четверти класса «Д» стояли на учете у инспектора по делам несовершеннолетних. Ладонь у Ленки была мокрая и горячая. Мы шли, а Таракан понуро тащился сзади, шагах в десяти. Если мы замедляли шаг или останавливались на светофоре, он тоже замедлял или останавливался.

В милиции нас почти сразу внимательно выслушал какой-то очень красный лейтенант, похожий на свеклу в мундире. Он записал наши имена и домашние телефоны, спросил приметы Стеши, поблагодарил нас с Ленкой за бдительность и обещал во всем разобраться. Я сидел на жестком стуле и почему-то думал о том, что к лейтенанту не хватает селедки и майонеза (нам такие бесплатные завтраки в школе давали: салат из свеклы, кусок селедки, а сверху — капля майонеза, желтая посередине и розовая по краям). И еще одна мысль не давала мне покоя: пусть Димура и Табаки как-то сумели привлечь внимание Стеши. Пусть даже они уговорили ее пойти с ними и увезли из школы. Но зачем они это сделали?! По всему получалось, что Стеша совершенно не нужна ни Диме Димуре, ни уж тем более Табаки. Что-то не склеивалось. Чего-то мы еще не знали.

После мы задумчиво брали с Ленкой к школе (Таракан, дождавшийся нас у дверей отделения, по-прежнему тащился сзади) и, даже не обсуждая это между собой, пытались сообразить: что еще можно сделать?

После недавней оттепели снова похолодало, дул пронизывающий ветер. Ленка надела капюшон. Уже темнело, свисающие с фонарей изогнутые от ветра сосульки светились изнутри и были похожи на зубы каких-то киношных монстров.

Внезапно мы оба одновременно увидели совершенно идиотскую картину: по заснеженному проспекту как бы сама собой ехала инвалидная коляска. В коляске сидел замотанный шарфом Юрка и светил под колеса карманным фонариком. Приглядевшись, мы заметили над спинкой коляски половинку головы, которую опознали как макушку второклашки Вадика. Не сговариваясь, мы с Ленкой побежали навстречу.

— Где Стеша? — с ходу спросил нас Юрка, даже не дав нам открыть рты.

— Что ты знаешь? — вопросом на вопрос ответил я. Почему-то я почувствовал, что времени нет совсем и мы уже не успеваем.

— Хорошо, что я тебя встретил, сказал Юрка, как будто все происходило между нами двумя и больше здесь никого не было. — Вот он

прибежал ко мне домой, — Юрка кивнул на подпрыгивающего по обыкновению Вадика. Вадик выглядел странно: рукав и воротник куртки наполовину оторваны, лицо в грязи, одна кожаная перчатка. Похоже было, что малыш недавно дрался со стаей небольших собачонок. Впрочем, судя по бодрому виду, никаких существенных повреждений он не получил. — Он сказал: «Ваша девочка, похожая на спящую принцессу... Ее одни передали другим, и те им деньги заплатили...»

Я судорожно вздохнул, а Ленка выматерилась так, что Юрка разом покраснел и завертел шеей.

— Те, кто передавал и, — Димура и Табаки, так? — спросил я.

— Судя по всему, да, — кивнул Юра. — Ты уже знаешь?

— Досюда знаю, — согласился я.

Теперь мне все было ясно. Кто-то, чтобы не светиться, нанял Димуру и Табаки. Они увезли Стешу, что-то наболтав ей (Стешу можно уговорить, если знать, что сказать), и в условленном месте передали этим другим... Что им надо? Выкуп? Чепуха! Достаточно один раз взглянуть на Стешу, чтобы понять... В школе ее считают дурочкой, малохольной... Выкуп тут ни при чем. Наверное, я застонал, потому что Юрка и Ленка разом взглянули на меня с тревогой. Ну нет! Вот именно сейчас я не имею права вырубаться! Если я сейчас хоть на сколько отключусь, то точно не успеем...

— Откуда ты там взялся? — спросил я Вадика.

— Мы с охранником на теннис ехали, — охотно объяснил малыш. — Он вышел к ларьку сигарет купить. Тут я и увидел... Я сразу понял: что-то не так. Юра мне про принцессу рассказывал, она с такими сама не пойдет. Ну, я выскоцил из машины и туда...

— А что же твой охранник?

— Он хотел меня поймать, но я вырвался, — с гордостью сказал Вадик. — Я еще карате-до занимаюсь и гимнастикой. Я ему прием провел, а потом побежал и сразу за углом спрятался, а он дальше побежал. Я в одном фильме видел, так Сталлоне делал. И у меня тоже получилось...

— А потом?

— Потом я зашел в магазин и подождал, пока они все закончат и разойдутся, и пошел за теми, которые с принцессой...

— Ты за ними проследил?! — восхитился я. — Ну, ты, Вадик, просто молодец! Самый крутой малек, которого я только знаю!

Вадик прямо расцвел от моей похвалы и стал подпрыгивать еще выше и чаще.

— И что же?

— Я до парадной за ними шел и всю дорогу запомнил, а вот квартиру

не знаю. Меня туда не пустили, там в подъезде сидит... ну, это...

— Консьержка? — подсказал я.

Вадик сунул в рот палец, видно было, что это слово ему незнакомо.

— Не знаю... Вряд ли... Такой, с мордой... У нас дома тоже такой был...

— В общем, охранник, — подытожил я. — Ладно. А почему ты, Юрка, не позвонил? Зачем было на улицу-то переться? Ты же больной, тебе нельзя...

— Я звонил, — сказал Юрка. То ли от сумерек, то ли еще отчего, но он показался мне каким-то сине-зеленым. Как водоросли, которые мы на биологии проходили. — Но никого дома не было. Ни тебя, ни Пашки, ни Иглич. Только Игорь Овсянников. Он сейчас сюда придет. А больше я ничьих телефонов не знаю...

С улицы Космонавтов прямо из начавшейся метели легкой трусцой выбежал Игорь Овсянников. Юрка осветил его фонариком. Он побежал к нам и остановился, переводя дыхание. Таракан тоже подтянулся поближе. Редкие прохожие пялились на нас с удивлением (инвалидная коляска явно притягивала их взгляд) и обходили по проезжей части.

Все одноклассники и малыш Вадик смотрели на меня и чего-то ждали. Мне показалось, что где-то я про все это уже читал. Там, где я читал, все кончилось хорошо. Герой привел всех в победе. Но что-то я сомневаюсь...

— Нужна связь, — сказал я.

Вадик молча вынул из-за пазухи мобильник и передал мне. Я, в свою очередь, передал его Юрке. Потом достал из кармана потрепанную записную книжку, в которой были телефоны всех одноклассников. (Несколько лет я всегда таскал ее с собой, но почти никогда никому не звонил. Неужели предвидел?)

— Давай общий сбор. За Пашкой пусть зайдет Горохов, у него телефон давно за неуплату отключили. Митьку звать, Витька пусть дома с Милкой сидит. Скажет ему, чтобы слушался... ну, хоть меня. Мишане не звонить, слабое звено, хоть и умный. Я иду к Пантелейю. Таракан, Ленка, Игорь — бегите, куда Вадик поведет. Старайтесь не прорваться даже, а просто шухер навести. Вопите там, зовите Стешку под окнами, камни бросайте. Надо, чтоб они занервничали, так мы выиграем время. Следите за подъездом... Вадик, ты их, конечно, не знаешь...

— Почему же, знаю, — невозмутимо сказал малыш. — Двое из троих в нашей школе учатся. Может, в 10 «А» или 11 «А» классах.

— Та-ак, — я скжал кулаки и почувствовал, как ногти с противным скрежещущим звуком вошли в кожу ладоней. Только бы не сорваться! —

Значит так, ты, Ленка, идешь с ними до дома, а потом сразу — обратно в гимназию. Постарайся узнать, хоть как, кто из «ашек»-старшеклассников в этом доме живет. У них допоздна факультативы, кружки, кого-нибудь да застанешь. Это должен быть кто-нибудь из шишек, детей спонсоров. В общем, сама сообразишь. Если узнаешь наверняка, беги в милицию, к свекле. Всем ясно, что делать?

— Я соберу народ. Потом? — спокойно спросил Юрка. Губы у него были отчетливо синими. Может, от холода?

— Игорь или Таракан прибегут за вами. Соберем всех — будем воевать. Нельзя им Стешу отдать. Это только кажется, что она не чувствует ничего. Так?

Я обвел всех взглядом. Все по очереди кивнули, будто принимали присягу.

Я тоже кивнул и побежал так, как не бегал никогда в жизни. Учитель по физкультуре говорил, что у меня хорошие легкоатлетические данные, но неспортивный характер. Вот сейчас и проверим.

И все время свербила мысль, что я еще чего-то не понял. Услышал, но не понял.

Глава 22

Пантелей я, как и предполагал, нашел на рынке. Он стоял возле шашлычной и базарил с двумя молодыми хачиками. Поодаль Пантелейева внимания дожидались два оборвыха лет по двенадцать, насколько я мог судить, — члены его бригады.

— Пантелей, дело есть, — я шагнул вперед.

Пантелей удивленно глянул на меня, узнал, сначала раздражился, а потом, почти сразу же, — озабочился. Знал, что просто так я к нему на рынок нипочем не приду.

Махнул мне приветственно рукой, быстренько закруглил разговор с хачиками, подошел. (Оборвьши беззвучно и злобно, как собаки, оскалили грязные зубы.)

— Привет, Антон. Что случилось? Хочешь, зайдем, съедим шаверму? Я угощаю...

— Спасибо, Пантелей (я понял, что на свой, пантелейевский, манер он проявил ко мне верх уважения и гостеприимства, и действительно был ему за это благодарен). Просто времени нет. Стешку какие-то подонки увезли...

Я в двух словах описал ему ситуацию. Пантелей не задал ни одного вопроса. Задумался.

— Зачем мне все это? — наконец спросил он. — Я Стешке не сторож. Рано или поздно все равно кто-то ее... Мне уже шестнадцать будет, я, если что, под суд пойду. И люди мои... Там же, ты сам сказал, сыночки каких-то шишек, у которых заранее все куплено. Зачем мне это, Антон?

— Низачем, — честно ответил я. — Всем низачем. Если ты потом сможешь нормально жрать, пить и все такое, то тебе — низачем. Решай сейчас. Стешка — она у нас вроде тестирования. Помнишь, психологи проводили?

— Помню, — Пантелей кивнул коротко стриженной головой. — А на что тест?

— Не знаю, — я, может, и знал, но нормальные пацаны таких слов вслух не говорят. Пантелей первый же меня уважать перестал бы. Записал бы сразу в ботаники.

Пантелей сунул руку за пазуху, пошарил там, словно ловил кого-то, потом скжалился в кулаке.

— Где сбор-то? — спросил он. — Пусть меня там ждет кто. Ну, хоть инвалид. Если через полчаса не приду, то — все. Лады?

— Лады, Пантелей, — сказал я и сжал его похожую на кусочек фанеры ладонь.

Когда я бежал обратно, то едва не столкнулся с мальчишкой, буквально вставшим на моем пути. Некоторое время я смотрел на него, не узнавая.

— Они сказали, что ничего плохого ей не сделают, — пробурчал мальчишка, глядя на мои кроссовки. — А потом много денег дадут. Больше, чем нам.

Тут я узнал Шакала Табаки и едва сходу не убил его. Для тех, кто разбирается в литературе: мои слова — не метафора и не гипербола. Я действительно мог в тот момент убить Табаки. Задушить или еще как. Остановил себя буквально на краю. Вот он, меч. Только протяни руку — и уже начинается.

— Зачем ты мне это говоришь, ублюдок?! — я встряхнул Табаки за плечи, он болтался, как тряпка, а зубы противно лязгали.

— Я подумал, вдруг она от этого расколдуется...

— Расколдуется?! — я разом вернулся в относительно нормальное состояние, в котором мог думать, а не только скрежетать зубами и жаждать крови.

— Ну да... Как та, которая в замке... Я же был там, тогда... Вслед за вами... Я не знаю, что это, и спрашивать не стану, но только... Уж эти-то, из богатеньких, они всяко больше на принцев похожи, чем мы с тобой, оборванцы...

Хоп! Последний кусочек мозаики встал на место. Я отшвырнул Табаки в сторону. Он упал на четвереньки на заснеженный газон и грустно смотрел на меня снизу вверх. Как же я раньше не догадался?! Ведь была, была и до Табаки подсказка! Малыш Вадик называл Стешу...

— Скажи, Табаки: почему Дима Димура в тот раз, когда мы исчезли?.. Потом?.. — сейчас это было явно не в тему, но мне давно хотелось знать.

— Он испугался, — ответил Табаки и шмыгнул носом. — До колик. Всем велел держаться от вас подальше...

Мишанина мать смотрела на меня с откровенным подозрением. Я ее, в общем-то, понимал. Одежка из секонд-хенда, кроссовки каши просят, вид дикий, волосы, небось, дыбом стоят.

— Мне очень нужно видеть Мишу, — стараясь говорить как можно спокойнее, повторил я. — Я — его одноклассник, Антон Антонов.

— Ну и что же, что одноклассник? — сварливо осведомилась мать. — Тем более даже. Знаем мы Мишенькиных одноклассников. Не годится он для вашего баловства, понял ты или нет? Большой он! Ты его, что ли, потом лечить будешь? Не пущу! Иди, откуда пришел!

Тут она буквально отлетела от двери, а в коридор вышел Мишаня в свитере и пушистых тапочках. Как только услышал?

— Это ты, Антон? Что случилось? Проходи ко мне в комнату. Мама, отойди, это Антон, мой друг. Он мне по учебе всегда помогает.

— Нет времени, Мишаня, совсем нет, — громко сказал я, тщательно отделяя одно слово от другого. Мать тревожно вертела головой и напоминала носатую нахоленную ворону. — В твоих тетрадках нарисована Стеша. Наша Стеша — ты понял?

— Нет. Как это? — растерянно переспросил Мишаня. — Я другую девушки рисовал.

— А ты хоть раз Стешу вблизи видел? Чтоб разглядеть ее как следует? Вот то-то и оно. А там, в параллельном мире, ты видишь normally. Поэтому сумел снизу разглядеть принцессу, разговаривая с ней в окно. Так?

— Так... — Мишаня ошеломленно моргал глазами.

— Сегодня Стешу укралли...

— Кто?! — в Мишаниных глазах, кажется, вскипели слезы.

— Разбираемся.

— Что мне делать? — все-таки в нашем классе только четыре человека способны соображать с нормальной скоростью: Юрка, Мишаня, Маринка, ну и я, конечно.

— Ты ведь можешь попасть туда? Попробуй, может, там тоже можно что-то сделать... Это же твоя принцесса, в конце-то концов...

— У меня в последнее время не получалось, но я... Я очень постараюсь, Антон. А где все?

Я объяснил. И побежал дальше, хотя в боку уже кололо и перед глазами плавали какие-то круги. Мишанина мама грязно ругалась мне вслед. «Ну надо же! — подумал я на бегу. — А еще интеллигентные люди, евреи».

Глава 23

Диспозиция вокруг дома была весьма оживленной. Пришли, насколько я сумел разглядеть, почти все. Присутствовали даже больная Маринка и Витька с Милкой на руках.

— Ты-то зачем? — спросил я у Витьки. Митька стоял рядом и таращил совиные, почти без ресниц глаза. — Холодно же, ребенка простудишь.

— Она закаленная, — усмехнулась Витька, потом добавила. — Вы Митьку не понимаете, как я, и объяснить ему не сможете. Так уж получилось: у него сила за двоих, у меня — мозги.

Для Витьки это была очень длинная и философская речь, и я понял, что они с Митькой тоже волнуются за Стешу, но не умеют об этом сказать.

К мордатому «консьержу», в связи с обострением обстановки, тоже прибыло подкрепление: три «быка», одетые в одинаковые кожаные куртки, курили в кулаки у самой парадной и посматривали на нас с агрессивным удивлением. «Консьерж» время от времени выглядывал из подъезда и о чем-то с ними переговаривался. Возможно, передавал инструкции. Наши развлекались вовсю. Таракан, Ванька и еще кто-то кидали снежки в разные окна. Маринка, приложив варежки ко рту, истошно орала в темноту: «Стешка, вызывай милицию! Телефон, Стешка, телефон! Звони 01, 02 или 03. Стешка! Кричи в трубку: убивают!» Игорь Овсянников, засунув в рот едва ли не целую пятерню, оглушительно свистел. Вадик подбегал к охранникам на безопасное расстояние, несколько раз подпрыгивал на месте, а потом клянчил противным голоском: «Дяденьки, пустите погреться! Ну дяденьки!» Вера Иглич прошептала что-то ему на ухо, и он сменил пластинку: «Дяденьки, пустите! У меня папа тоже новый русский! Мне туда можно!» Вся сцена напоминала кадры из передачи про животных: группа носорогов в саванне встречается со стадом обезьян.

— Никто не выходил? — спросил я у Витьки. Она отрицательно помотала головой.

Время от времени к дому подъезжали иномарки. Из них вылезали дорого одетые люди, брезгливо посматривали в нашу сторону, неодобрительно в сторону охранников и цедили сквозь зубы: «Совсем шпана распоясалась! За что платим охране?»

Охрана на входе пыталась оправдываться и втягивала головы в воротники курток, как черепахи в панцирь.

Внезапно из темноты показалась инвалидная коляска. Свет фонарей

играл на ее никелированных деталях. Коляску катил Пантелея. Вслед за ним шли четверо молодых людей, похожих на младших братьев «консьержа» и компании. Юрка был совсем синий и улыбался через силу.

— Давай домой, — шепотом сказал я ему. — Иглич тебя отвезет.

Юрка закусил губу и отрицательно помотал головой.

На оценку обстановки у Пантелейя и его бойцов ушло около минуты.

— Нам это не надо, — спокойно высказался тот, который, видимо, был у них за старшего. — Малолеток попугать или за хорошие бабки — другое дело. А так... Вдруг там этой девчонки и вовсе нету?

— Можно бабки, — вдруг встярал малыш Вадик. — Очень большие. — Все присутствующие разом уставились на него. — Вы сейчас принцессу Стешу освободите, а потом украдете меня. То есть, я сам к вам приду. И вы попросите у папы выкуп, а я буду плакать в трубку и говорить, что он в милицию не обращался, потому что иначе меня на кусочки порежут. И все — будут вам деньги. У меня папа очень богатый, а я — единственный сын. Ясно?

Несколько секунд все, включая Пантелейя и быков, потрясенно молчали.

Потом Пантелей выругался так замысловато, что у всех пацанов брови от удивления и восхищения поползли вверх. Он коротко переговорил со своими, и все пятеро решительно двинулись к подъезду. Остальные потянулись следом. Я заметил, что Таракан и Митька как-то подозрительно держат правые руки в карманах. Мне это очень не понравилось, но делать было уже нечего. Я тоже пошел.

Все уже началось и «наши» явно побеждали, когда к подъезду с воем подкатила милицейская машина. Я бросился к выскакивающим из нее милиционерам, чтобы объяснить, что к чему, но меня тут же швырнули лицом в снег. Я облизал разбитую губу и попытался встать... Потом еще раз... И еще...

В конце концов рядом со мной шлепнулась рыдающая Ленка, обхватила меня руками, не давая встать, и закричала мне прямо в лицо:

— Я все узнала! Его фамилия Кондратьев. Артем Кондратьев. Он здесь живет, в этой парадной, на четвертом этаже. Его отец — большая шишка в городе. Не бандит как бы, наоборот — власть. Я сразу в милицию, как ты велел. Свекла там был, что-то такое бормотал, отводил глаза, говорил, что ищут Димуру и Табаки, я им кричала, что Димура и Табаки — ни при чем, что надо ехать к этому Артему. А у них уже что-то такое было, им кто-то позвонил, и он все спрашивал про Вадика, я потом поняла, что его, наверное, отец ищет. Они мне пытались какую-то таблетку дать или укол,

но я вырвалась и убежала. А им уже при мне кто-то позвонил, может, из этого дома, и, наверное, велел с вами разобраться, вот они и разбираются... А против Кондратьева они ничего не могут. И Стешку потом накачают наркотиками или убьют, чтоб она ничего не рассказала! Анто-он! Что же это?! — Ленка захлебнулась рыданиями.

— Пусти меня, — твердо сказал я Ленке. — Сейчас я попытаюсь все уладить.

Ленка сразу же послушалась и отпустила меня. А я пополз по пластунски в ту сторону, где, по моим расчетам, находилась Юркина коляска. К происходящему вокруг парадного входа я не очень присматривался и прислушивался, потому что все это уже не имело особого значения. Успел только увидеть непонятно откуда взявшегося Сергея Анатольевича, географа. Он грудью наскакивал на какого-то милиционера и кричал сорванным голосом:

— Что вы делаете?! Это же дети! Я — их учитель! Что вы делаете?!

— Антон, что у тебя с лицом?! — спросил Юрка.

— Ничего, — ответил я и замычал от злости, потому что рядом с Юркиным креслом стоял Мишаня. — Что?!

— Я старался по-всякому, — сказал Мишаня и опустил голову. — У меня не вышло.

— Он с этой стороны, — сказал Юрка. — Наплевать! — прорычал я. — Юрка, давай!

— Ты думаешь?..

— Давай!!! — крикнул я, почувствовал, как закипает подо лбом знакомый жар, протянул вперед руку и потерял сознание.

Глава 24

Когда я пришел в себя, то почти сразу все вспомнил и понял, что нахожусь внутри кабачка «Три ковбоя». Лежу на скамейке. Надо мной — закопченный потолок, справа — стол, накрытый льняной скатертью, и откуда-то пахнет жареным мясом. Настоящим жареным мясом, с луком, перцем и картошкой. Первым моим желанием было пожрать. Вторым — быстренько скатиться с лавки и бежать отсюда как можно скорее, пока у них тут опять что-нибудь не началось.

Я дернулся, но меня удержала сильная рука, сплошь покрытая веснушками.

— Лежи! — сказала обладательница руки и обтерла мне лицо мокрым полотенцем. Мне показалось, что розовый цвет не был присущ полотенцу изначально. — Тебе лежать надо! Где это тебя так отделали-то?

— Моя милиция меня бережет, — хрипло сказал я, пробуя голос. Голос повиновался. — Мне не лежать, мне бежать надо. Где другие, с которыми я...

— Один убег сразу, — охотно откликнулась рыжеволосая трактирщица. — Мы и разглядеть-то его не успели. На вас указал и убег. Вы-то валялись, как мертвые. Но ты-то вроде ничего, оклемался...

— А Юрка?

— Юркой его звать, да? Тот-то совсем синий был. И не дышал. Лекарь наш сейчас его там отхаживает. Уж и не знаю...

— Ладно, — Юрке я сейчас все равно ничем помочь не могу. Пусть лекарь пытается, специалист все-таки. — Как к замку короткой дорогой пройти?

— Тебе сейчас только к замку, — встряхнув волосами (солнечные зайчики забегали по боку скатерти), рассмеялась девушка. — Тоже рыцарь! Только в себя пришел, сразу до принцессы!

— Мне действительно надо, — серьезно сказал я и, преодолевая чуть ослабшее сопротивление, сел. Огляделся по сторонам. — А вы уже все... восстановили, да? Или ничего и не было? — я словно наяву увидел меч, воткнутый вот в этот самый стол.

— Отчего же не было? — девушка откинула скатерть и показала расщепленную доску. — Когда у дороги живешь, ко вся кому надо быть готовым. Мы давно здесь... И дальше будем... А где у тебя дело-то?

— Там, — я махнул рукой в сторону окна. — В другом мире. Надо

быстрей, иначе не успеем.

— Ну что ж, — девушка вздохнула. — Как знаешь. Может, поешь все же?

Я вздохнул еще тяжелее ее, но отрицательно помотал головой.

— Вы уж за Юркой там... — попросил я.

— Не беспокойся, — ответила девушка. — Все, что можно, сделаем...

Потом она помогла мне забраться на лошадь и объяснила короткую дорогу к замку через лес. Я старался не обращать внимания на то, что происходит вокруг. Хватало и того, что в кабачке все в порядке. Я попрощался и тронул коня.

— А как же? — удивленно крикнула она мне вслед. — Он же твой...

— Пускай у вас лежит, — ответил я. — Мне без надобности...

Глава 25

— Они объяснили мне! — Сергей Анатольевич старался кричать изо всех сил, но только приглушенно сипел в трубку — Елизавета Петровна! У них было достаточно аргументов, чтобы хотя бы проверить то, что говорили дети. Закон должен быть единым для всех! Ведь девочка действительно пропала! Ее отец в больнице с тяжелым инфарктом!

— Бросьте, Сергей Анатольевич! Вы слишком увлеклись этим... народничеством — и теперь не можете отличить зерна от плевел. Насчет Кондратьева — все ерунда! Артем — гордость школы, учится хорошо вовсе не потому, что его отец — наш главный спонсор и всегда готов отстаивать интересы гимназии на любом уровне. Нет — он учится потому, что хочет и может учиться. Другое дело — Димура и Табаков. Да, эти подонки на всякое способны. Да, этот ваш класс «Е», как и 7 «Д», изначально были рассадником всякой заразы. Да, я уже тысячу раз предлагала расформировывать их после начальной школы, пока они не стали социально опасными. Директор со мной не согласилась, и вот — пожалуйста... Теперь, после такого, я и дня не потерплю. Расформируем немедленно. В конце концов, почему мы, гимназия, занимающая первые места в городе по девятнадцати показателям, должны заниматься еще и психически больными детьми?! Пусть ими занимаются спецшколы! Если спецшкол не хватает, пусть построят еще!.. Что? Что вы сказали?!

— Я сказал, что вы гораздо более социально опасны, чем все классы «Е» в целом...

— Вы... вы у нас в гимназии больше не... Я это такие оста...

— Здравствуйте, Клавдия Николаевна! Извините, что я вас беспокою. Это Сергей Анатольевич, географ. Я хочу вам сказать: большая половина вашего класса задержана и сейчас находится в отделении милиции...

— Да, да, я знаю! Мне звонили! Это кошмар. Я не понимаю... Я сейчас же еду туда.

— Вы знаете, что случилось со Стефанией?

— Нет... А что с ней? Я ничего не понимаю...

— Давайте встретимся с вами прямо сейчас. Я вам кое-что попробую объяснить. Это не телефонный разговор...

— Разумеется. Назначайте место... Кстати, я говорила с Елизаветой Петровной, она сказала, что вас уволила. Это что — такая глупая шутка?

— Думаю, что нет. Записывайте адрес, я не могу уйти, мне могут

звонить...

— И что же, если весь этот ужас, который вы рассказываете, правда, — что же будет со Стешенькой?! Ведь там, насколько я поняла, никого не осталось?

— Я оставил следить за происходящим совсем маленького мальчика, друга Юры Малькова, который непонятно как туда затесался, и еще мальчишку из другого класса. Он прятался в кустах, видимо, испугался, и его не тронули. У них есть телефон, если там хоть что-то произойдет, они мне сразу же позвонят. Правда, совершенно непонятно, что смогу предпринять в этом случае я сам...

— Но что же Стеша?

— Понятно, что если она там, они постараются незаметно вывезти ее куда-нибудь. Держать ее при сложившихся обстоятельствах в квартире слишком опасно даже для всесильного Кондратьева. Не всю же милицию он купил... Но вот что предпримет она сама, как себя поведет... От этого ведь зависят и действия укравших ее подонков... Я бы лучше спрогнозировал ситуацию, если бы вы рассказали мне о Стеше. Она что, всегда была такой?

— Нет, конечно! Она была обычным ребенком, училась в «В» классе. Училась не блестяще, но вполне прилично, играла в куклы и выделялась разве что своей удивительной внешностью, это уже и тогда было заметно...

— А потом?..

— Понимаете, отец Степы — военный. Они много лет ездили по гарнизонам, дичь, глушь, все такое. Видимо, Стешиной матери все это надоело (говорят, Стеша унаследовала свою красоту именно от нее), она тайком от мужа подала объявление в газету, познакомилась с каким-то немцем и уехала в Германию, бросив мужа и дочь. Отец Стеши погоревал, конечно, но постепенно успокоился. Дочь он всегда любил без памяти, а жена, может, и надоела ему своими беспрестанными требованиями. В общем, он уволился-таки из армии, перебрался в Петербург, нашел хорошую работу, устроил третьеклассницу Стешу к нам в гимназию, и все вроде бы наладилось...

— Но...

— Но у его бывшей жены, Стешиной матери, в Германии тоже все наладилось. А других детей она либо не хотела иметь, либо уж не могла. Показала она своему немецкому мужу фотографию Стеши, он, как и все, поразился и сказал: «Дочь должна жить с матерью. Едем в Россию».

Они приехали, и началась обычная, к сожалению, война взрослых амбиций. О девочке все как бы и позабыли, поливали друг друга помоями в

ее присутствии, задаривали подарками и прочее... Сами можете вообразить. Но дело никак не решалось, потому что речь шла еще и о гражданине другой страны... А потом разыгралась трагедия. Стешин отец позволял матери и ее новому мужу разговаривать с дочерью только в его присутствии и вообще всячески препятствовал их встречам. Их это, естественно, не устраивало, они куда-то обратились (в народный суд или что у нас сейчас вместо него), и эта инстанция приняла решение в их пользу. Отец решение суда попросту игнорировал, и тогда они решили добиться своего силой. То ли кого-то наняли, то ли еще что... В общем, отец окончательно сошел с ума, заперся со Стешей в квартире и отстреливался через дверь. Даже кого-то ранил, по-моему. Потом была психиатрическая машина, ОМОН, ломали дверь, отца вязали, в общем, кошмар... Когда спохватились, оказалось, что девочки в квартире нет. Решили — убежала. Искали по всему городу. Она трое суток пряталась в тумбочке, в опечатанной квартире. Не ела и, кажется, даже не пила. Потом вылезла из тумбочки, позвонила кому-то из друзей отца. Он приехал, опять взломал дверь, забрал Стешу к себе. Тогда она на некоторое время вообще говорить перестала. Милиция между тем, как могла, разобралась в ситуации. Мать с немцем попросили вернуться в Германию. Отца как-то отстояли армейские сослуживцы. А Стеша... Стеша стала такой, какой вы ее знаете. Скажу вам честно: если бы не ее удивительная красота и не энергия отца, ее бы уже давно... ну, в общем, в гимназии она не осталась бы...

— Безумие какое-то! — пробормотал Сергей Анатольевич и потер лицо сложенными ладонями. — И ведь все это они делали из любви к ребенку...

— Вот именно! — энергично поддакнула Клавдия Николаевна. — Но что же сегодня-то? Куда делся с места действия Юра Мальков, инвалид? Я в милиции в первую очередь поинтересовалась. Есть же, в конце концов, какие-то пределы! И они мне совершенно четко ответили, что никакого ребенка-инвалида у них нет и не было. Но ведь он там точно был, его все видели...

— Юра Мальков там был, я видел его своими глазами. И сейчас там осталась его инвалидная коляска. Кроме того, там были Антон Антонов и Миша Штекман. Они тоже бесследно исчезли.

— Может быть, они... ну, увезли Юру?

— Куда они его увезли? Почему не взяли коляску? Почему не сообщили о себе? Дома их нет. Родители с ума сходят. Юра, вдобавок к его обычному состоянию, тяжело болен. У него миокардит. А Миша? Его мать

утверждает, что в сумерках он практически слеп. Куда потащил Антон двух инвалидов? И что такое сам Антон? У меня сложилось впечатление, что в этот класс он попал по какому-то недоразумению... Он, несомненно, организовывал поиски Стеши и координировал действия остальных. По идеи, лидер должен постоянно находиться в эпицентре событий. Куда же переместился эпицентр после прибытия милиции? И почему вместе с Антоном туда отправились практически недееспособные на настоящий момент Миша и Юра? Что вы думаете по этому поводу, Клавдия Николаевна?

— Ах, Сергей Анатольевич, я уже ничего не думаю! У меня просто голова кругом идет! А Антон... тут, знаете, нет никакого недоразумения... Как он, кстати, показался вам, на свежий взгляд?

— Проще всего сказать так: Антон — герой, который почему-то отказывается быть героем. Нужно полагать, что у него для этого есть какие-то очень веские основания. Потому что по природе он — безусловный лидер, и к тому же очень умен и образован для своих лет. Юра с Мишой сюда опять-таки вписываются — классические спутники героя, почти по мифологии. Но в этом классе...

— Повторяю, никакого недоразумения здесь нет. Антон действительно классический вундеркинд, когда-то совершенно самостоятельно поступил в гимназию в «Б» класс, набрал при поступлении максимальное количество баллов и блестяще там учился...

— Но...

— Антон неврологически незддоров. Так же, как и остальные ученики «Е» класса. У него бывали (да, кажется, и сейчас бывают) совершенно ужасные припадки неконтролируемых эмоций...

— Эпилепсия?

— В том-то и дело, что — нет. Эпилепсию нынче успешно лечат. А у него — какие-то последствия родовой травмы. Во время припадков он не терял сознания, но становился как бы диким. Мог сказать или сделать что-нибудь ужасное, социально недопустимое. Дети, да и учителя, боялись его, родители требовали убрать «психа» из приличного класса. Администрации, сами понимаете, пришлось с ними согласиться.

— Но ведь даже в этих условиях и при этом диагнозе он сумел развиться так, что даст десять очков вперед большинству «ашек».

— Я готова с вами согласиться, на следующий год мы переведем его в класс «Г»...

— Почему не в «А»?!

— Мы должны считаться с мнением родителей-спонсоров. Вряд ли

они захотят, чтобы в их классе учился психически неуравновешенный ребенок...

— У меня сложилось впечатление, что на сегодняшний день Антонов великолепно владеет собой...

— Замечательное впечатление! И где же сейчас, по-вашему, этот великолепно уравновешенный герой Антонов? Куда он увел двух больных детей? Что вы мне можете сказать по этому поводу?

— У меня по этому поводу есть только мнение мальчика из другого класса. Кажется, он из 6 «Д». Когда я расспрашивал про Юру и Антона, он сказал, что знает, куда они подевались, только я ему все равно не поверю.

— И что же он вам сказал?

— Он сказал, что все трое мальчиков отправились в параллельный мир, чтобы попробовать через него вызволить Стефанию, которая там как бы тоже есть...

— Сергей Анатольевич, а у вас у самого-то, простите, с головой все в порядке? Слушать бредни дебильного шестиклассника...

— Он утверждает, что тоже был в этом параллельном мире и не кто иной, как Юра Мальков, организовывает туда, с позволения сказать, экскурсии...

— О господи! Не пора ли нам с вами отправиться в милицию? Подумать, так сказать, об этом, не параллельном мире. Надеюсь, после столь энергичной демонстрации вашей заинтересованности в этих детях вы согласитесь меня сопровождать?

Глава 26

Когда я ехал по лесу, мне было страшно и холодно. Я старался не смотреть по сторонам, но все равно... Сто раз читал о таком в книжках фэнтези, но одно дело прочесть, а другое дело — самому увидеть. На зеленых, слегка тронутых желтизной листьях лежал снег. Трава была покрыта изморозью. Болота — схвачены прозрачным ледком. Белки обалделыми столбиками стояли на тропинках и вертели головами. Сойка летала между деревьями, истошно крича. Этот мир не знал зимы, и вот она пришла, внезапно, в один день. Я не мог отделаться от мысли, что это мы (я?!) принесли ее с собой. Надо скорее убираться отсюда, пока тут все не погибло к чертовой матери. «Земляника со снегом, земляника со снегом!» — словно привязавшаяся мелодия.

Замок чернел на скале и казался вполне бутафорским. «Интересно, что бывает с теми, кто гибнет, пытаясь освободить принцессу? — подумал я. — Возвращаются назад? Умирают по-настоящему, как говорил тот дяденька на шоссе?»

Времени на раздумья и выработку стратегии не оставалось. Я отпустил лошадь, отыскал какое-то подобие тропинки и принялся карабкаться наверх. Губы и все лицо саднило, несмотря на холод. Лицо даже на ощупь казалось опухшим. Я подумал, что ни Мишаня, ни Стеша меня, пожалуй, не узнают. Даже если нам доведется встретиться.

В воротах замка царило какое-то явно нетипичное оживление. Подъемный мост через пропасть был опущен, на нем и на двух прилегающих площадках гарцевало с десяток всадников. Вокруг стен и на стенах сутилось еще какое-то количество пеших. Кажется, в руках у некоторых из них были луки или арбалеты. Еще только начинало темнеть, но у нескольких всадников в руках были горящие факела. «Интересно, есть ли в замке электричество? — подумал я. — И где же все-таки искать Мишаню?»

В этот же момент я его увидел. Мишаня медленно, ощупывая стену, двигался по узкому скальному карнизу. Вслед за ним шла девушка в пышном розовом платье. За платьем по карнизу волочились оторванные кружева. Что-то сразу не понравилось мне в этой картине, не только направленные на Мишаню арбалеты и суeta замковой стражи... Кроме этого... Но что?

Каким образом я мог помочь Мишане, было, в общем-то, ясно. Чем

больше внимания я отвлеку на себя, тем меньше достанется Мишане. И, следовательно, повышаются его шансы добраться... куда? Не знаю пока, «будем делать посмотреть», как говорит наша соседка. А молоток все-таки Мишаня! Спер каким-то образом принцессу из замка! Никому не удавалось, а наш Мишаня — увел... Впрочем, гордиться еще рано. Для начала надо уцелеть, а еще раньше — сообщить Мишане (и стражникам тоже), что он уже не один в игре.

— Миша-аня! — заорал я, предусмотрительно прячась за валун и снова выглядывая из-за него. — Я где-есь! Буду отвлекать их, а ты давай — двигай скорее!

Горное эхо скакало, как мячик, прятало источник звука. Мишаня вертел головой, пытаясь понять, откуда я кричу, потом кивнул не то мне, не то сам себе, и снова стал упрямо, ощупью продвигаться вперед... Ощупью?! Я едва не завыл от ужаса, потому что понял: Мишаня двигался, как всегда. А значит... Значит — он не видел! И, судя по тому, как отмахнулся от моих криков, не слышал. Или у него все-таки с собой слуховой аппарат? Длинные волосы Мишани падали ему на плечи, мешали разглядеть.

Стрела арбалета чиркнула о камень, за которым я прятался, но я даже не обратил на нее внимания. Едкий пот ручьями стекал у меня по лбу и спине, теперь мне было жарко и холодно одновременно. Лицо горело, руки тряслись.

Что же делать? Мишаня видит карниз под ногами, стену, но не видит ничего переди. Стеша, или кто она там, идет сзади. Поменяться местами они не могут. Значит, я должен командовать им, куда идти. Почему он не видит? Потому что попал сюда насильно, против воли этого мира? Не видел с самого начала или ослеп уже потом? Как же он, полуслепой, вытащил Стешу? Впрочем, какая теперь разница! Сейчас важно то, что происходит сейчас.

Я вообразил себя скальной ящерицей (я видел таких в зоопарке, они здорово бегали по стенам, цепляясь за малейшие трещины) и рванулся из укрытия.

— Мишаня, я здесь!!! — заорал я что было силы.

Мишаня вздрогнул и явно не только услышал, но и увидел меня.

— Антон, я...

— Молчи, я все понял! Через пять метров развилка, лезь вниз! Потом опять вверх по трещине. Там отходит более широкий карниз! По нему можно свободно идти...

— Ты скажешь, когда...

— Скажу, если буду к тому времени еще жив! Э-эх, понеслася!

Еще никогда я не жил столь насыщенной движением жизнью. За полчаса меня сто раз могли убить и, наверное, тысячу раз ранить. Но я все еще оставался цел. Видимо, физкультурник был все-таки прав насчет моих легкоатлетических данных. Во всяком случае, со скальной ящерицей я уже вполне могу поспорить. Спустя минут сорок Мишаня со Стешей залезли уже слишком высоко, и стрелы от замка к ним не долетали. Не пора ли и мне следом?

В этот момент Мишаня принял за камень торчащий из трещины сучок и схватился за него. Сучок вылетел, Мишаня пошатнулся и соскользнул с тропы, повиснув над ущельем. Девушка, кто бы она ни была, пыталась втянуть его назад, но у нее явно не хватало сил.

— Мишаня, держись, я иду! — завопил я и совершил такой рывок по отвесной стене, что все присутствующие скальные ящерицы должны были просто умереть от зависти.

Когда мы вдвоем со Стешей (теперь я уже не сомневался в том, кто она такая) втянули Мишаню на карниз, он улыбался. Мне захотелось треснуть ему по роже. Но я тут же поймал себя на том, что тоже во весь рот улыбаюсь. Очень саднили разошедшиеся ссадины на губах, иначе я бы и не догадался.

— Я здесь видел неподалеку что-то вроде пещеры, — сказал я. — Пошли туда. Надеюсь, там не живет тролль.

— Тут нет троллей, — сказала Стеша, и между моим вопросом и ее ответом совсем не было паузы. Это обнадеживало.

— Хорошо, что я тебя там, внизу, не видел, — сказал Мишаня. — Если бы разглядел твою рожу, ни за что бы не признал, решил бы — подстава.

Пещера оказалась просто большой нишей. Мы привалились к стенам и вытянули ноги. Подол Стешиного платья был разорван в клочья. Под платьем оказались панталоны до колен, с кружевами. Я их никогда раньше навыу не видел, только на картинках. Умора!

Стеша оторвала оставшиеся кружева и довольно ловко перевязала нам с Мишаней разодранные о скалы руки.

— А куда остальные девались? — спросил я. — Ну те, у которых не получалось тебя спасти?

— Если человек, попадая сюда, идет спасать принцессу, то он сможет и там... — Стеша махнула рукой вдаль, туда, где от заката осталась последняя оранжевая полоса, похожая на ехидную улыбку неба. — Они больше сюда не возвращались.

— А другие? — снова спросил я и подумал о Юрке.

— Здесь можно жить, — сказала Стеша и пожала плечами.

Мишане хотелось рассмотреть ее поближе, но он стеснялся придвигнуться. Стеша сама подсела к нему и взяла за руку. Мишаня тихо заурчал.

Над горизонтом высыпали крупные звезды. Черные контуры скал казались бархатными. Мимо наших лиц пролетела летучая мышь.

— Чувствуете, как звезды пахнут? — спросила Стеша. Мы промолчали, отдохная.

Ниже нас, за поворотом тропы, послышался стук осыпающихся камней.

— Кажется, за нами идут, — прислушалась Стеша. — Мы сможем?

— Меня здесь не надо. Я всегда смогу, — сказал я и протянул им руки. Узкая ладонь Стеши и забинтованная рука Мишани потянулись мне навстречу.

— Ты здесь принял решение, — сказала Стеша. И все исчезло.

До дверей милиции нас провожала небольшая толпа. В целом я их понимал. Одна Стеша, в своих панталонах и накинутых поверх бального платья двух курток, дорогого стоила. Кроме, того, мы везли в инвалидной коляске подпрыгивающего и кривляющегося Вадика, а сзади темной тенью крался Шакал Табаки. Моя распухшая рожа и забинтованные кружевами руки у нас с Мишаней тоже привлекали внимание. К тому же на осторожный вопрос: «Вы куда идете, ребята?» мы отвечали истинную правду: «В милицию, своих выручать!»

Уже на подходе к милиции Мишаня тронул меня за плечо:

— Ты знаешь, Антон, сейчас темно, я могу ошибаться, но...

— Что еще? — вздохнул я. Если честно, то после бега по стенам мои силы были на исходе.

— Мне кажется, что я нормально вижу и слышу. Поддержи, пожалуйста, аппарат и очки. И скажи что-нибудь, только негромко, как нормальные люди между собой разговаривают...

— Держу. Господи, как же вы мне все надоели...

— Спасибо, Антон! Слышу! Я — слышу! Но почему?!

— Обратная трансформация вторично искривленного пространства, — вяло ответил я.

Я правда очень хотел порадоваться за Мишаню, но уже ничего как следует не мог — ни обрадоваться, ни разозлиться.

Глава 27

Мы все стояли под его окнами. Все, весь седьмой «Е» класс. Все девятнадцать человек. Двадцатой была Милка, спавшая у Витьки в «кенгурушнике».

Мы пошли наверх втроем, но Юркина мама сама вышла к нам ко всем вниз. Она была в тапочках и вязаной кофте и пыталась улыбаться, но морщинки не бегали веселыми лучиками. Они прятались под глазами, как испуганные мышки.

— Спасибо вам, ребята, что вы все пришли. Юра недолго учился с вами, но он вас всех полюбил. Всех. Он так много хорошего рассказывал о каждом из вас...

Ленка всхлипнула, а Пашка зарычал и впился зубами в свой огромный кулак. Бедный Зорька! Пожалуй, Юрка был, да и останется в его жизни единственным, кто рассказывал о Пашке много хорошего...

— Вы не должны винить себя за тот вечер. Юра был очень болен с рождения. Рано или поздно это должно было произойти, нам все об этом говорили, но мы... — Юркина мать замолчала, справилась с собой и заговорила вновь. — Мы все равно надеялись... что он еще немного побудет с нами.

Она задохнулась. Стеша стиснула руку Мишани и качнулась вперед. Из подъезда вышел Юркин отец и обнял жену за плечи. За прошедшую неделю он ужасно постарел. Куда больше, чем она.

— Он не умер! — сказал я, и все уставились на меня, как на придурка. Злого придурка. Те, кто помнил мои припадки, поежились. — Я знаю. Он живет в другом мире, где есть придорожный кабачок «Три ковбоя» и город с фонтаном. Там он ходит, бегает и даже скачет на лошади. Мы договорились встретиться с ним на земляничной поляне. Еще трое из нас — Мишания, Стеша и Витька — знают, что я говорю правду. Свидетельствуйте.

— Свидетельствую, — сказал Мишания.

— Да, — сказала Витька.

— Это правда, — сказала Стеша.

Мать Юрки прижалась к груди мужа и заплакала. Все девчонки, кроме Витьки, заплакали вместе с ней. Заплакала даже проснувшаяся Милка.

— А наш класс коррекции расформировывают, — неизвестно к кому обращаясь, сказал Ванька Горохов. — Прямо сейчас.

— Правильно, — кивнул тяжелой головой Пантелея. — Хватит, откорректировались.

— И что же с вами будет? — мать Юрки перестала плакать, взглянула с тревогой.

— Ничего, прорвемся, — пообещал я.

— Да, конечно, — согласился со мной Юркин отец. — Вас жизнь не баловала, но вы... Я тоже верю — прорветесь. У вас вся жизнь впереди. Это у нас... ничего больше не осталось...

Я поймал дикий, затравленный взгляд Витьки и кивнул ей. Она шагнула вперед и через голову сняла ремни «кенгурушника». Митька взял сестру на руки, заглянул ей в лицо. Юркину мать затрясло так, что это было видно издалека. Она беспомощно взглянула на мужа, помотала головой, но ее руки уже сами тянулись к Милке. Милка улыбнулась и зачмокала губами. Ее всегда доставали из «кенгурушника», чтобы накормить.

— Ее мать ушла. Она не больная, просто... бестолковая. Их еще шестеро осталось. Митька старший, — сказал я. — Витька не может со всеми...

— Но как же... — Юркина мать схватила ребенка на руки и прижалась к себе так сильно, что Милка пискнула. Мне показалось, что сейчас отнять у нее Милку сможет только взвод ОМОНа.

— Она здоровая и развита по возрасту, — сказала Витька. — Я с ней к врачу ходила. Он сказал, вес только маловат. Кормить лучше надо. Ее Милкой зовут, полностью — Людмила...

— Людмила, — прошептал Юркин отец и губами прижался к маленькому лобику.

— Идем! — скомандовал я своему уже несуществующему седьмому «Е» классу, классу коррекции.

И мы пошли.

Запах звезд — говорит Стеша.

Послесловие

Екатерина Мурашова говорит с подростками на самые трудные темы. Практикующий школьный психолог, она умеет увидеть проблему, показать с разных сторон, обобщить сходные явления и диагностировать общие тенденции. Но сделать так, чтобы о проблемах и неприятностях было интересно читать, чтение такое захватывало, заставляло сопереживать героям, — сделать так может только талантливый писатель. Я думаю, нам всем очень повезло, что практикующий детский психолог Екатерина Мурашова одновременно является талантливым писателем.

Ее повесть «Класс коррекции» очень сильно выделяется в общем потоке современной отечественной литературы для подростков. Тема детей — отбросов общества, зачастую умственно неполноценных, инвалидов, социально запущенных слишком неудобна и некрасива, трудно решиться говорить об этом, но еще труднее говорить так, чтоб не осталось от разговора осадка отвращения, мрака и безысходности. Екатерина Мурашова виртуозно справляется с задачей написания жизнелюбивого, оптимистического произведения там, где, кажется, ни о каком оптимизме и речи быть не может. И дело здесь не в том, что сюжет в «Классе коррекции» условно фантастический. Скорее, секрет писательницы в том, что она искренне верит: в конце концов все будет хорошо и правильно, надо только понять, что «правильно», которое не для всех людей одинаковое, очень зависит от стремления к справедливости, взаимопониманию и взаимодействию.

«Класс коррекции» — произведение со всех сторон удивительное. Единственное, что в нем не вызывает удивления, — закономерная награда в первом сезоне Национальной литературной премии «Заветная мечта». По высказанному кулуарно мнению некоторых членов жюри, это было лучшее произведение из всех, что попали в финал премии.

Мурашова не развлекает читателя, не заигрывает с ним — и без нее желающих хватает. Она призывает читающего подростка к совместной душевной и нравственной работе, помогает через соучастие, сочувствие героям книги осознать себя как человека, личность, гражданина.

Мурашова приглашает к разговору и подростков, и взрослых, которым тоже иногда полезно остановиться, оглянуться и пересмотреть некоторые свои жизненные и оценочные стереотипы. Разговор не будет легким, но он давно назрел в нашем обществе. Екатерина Мурашова начала его — и всем

нам пора в этом разговоре принять участие.

*Ксения Молдавская, обозреватель
детской литературы газеты «Книжное обозрение»*